Z819
.A1
M374
1916
vyp.1

Я 91/2

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Z819
.A1
M374
1916,vyp.1

a 00003 033096

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/materialypoistori01unse

91/2.1

X
XX
103

БИБЛІОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. Томъ II, вып. 1.

Z819
.A1
M374
1916
УКР. 1

МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ БИБЛІОТЕКОВѢДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

Materialy po istorii bibliotekovîedîeniîa v rossii

Е. В. ГОГЕЛЬ. Великій Князь Константинъ Константиновичъ, какъ Попечитель Библіотеки Императорскаго Женскаго Педагогическаго Института.

С. А. ГАМАЛОВЪ-ЧУРАЕВЪ. Александръ Ивановичъ Лужковъ, библіотекарь и хранитель Эрмитажа при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Н. В. ЯСТРЕБОВЪ. Памяти В. И. Ламанскаго, какъ друга книги.

Центральная Геологическая * БИБЛИОТЕКА * Г.Г.Р.У.-В.С.Н.Х.-С.С.С.Р.

Изданіе
Русскаго Библіологическаго Общества.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
LIBRARY
CHAPEL HILL

ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія «К. Биркенфельдъ» (Вас. Остр., 8-я линія, д. №
1916.

5515

939
945 г.
955 г.

Петроградъ. Дозволено Военной Цензурой, 9 марта 1916 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе является началомъ осуществленія высказаннаго Э. А. Вольтеромъ 11 марта 1915 года и сочувственно принятаго общимъ собраніемъ Русскаго Библіологическаго Общества предположенія о составленіи особаго сборника матеріаловъ по исторіи библіотековѣдѣнія Въ этомъ сборникѣ предположено было собрать свѣдѣнія о библіотекахъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и исчезнувшихъ, а равно дать біографіи и характеристики дѣятельности выдающихся русскихъ библіотековѣдовъ и библіотекарей, личными своими трудами, зачастую въ весьма скромномъ служебномъ положеніи, содѣйствовавшихъ научной постановкѣ библіотековѣдѣнія въ Россіи. Въ настоящемъ первомъ выпускѣ этихъ «Матеріаловъ» дана біографія одного изъ такихъ мало замѣтныхъ и мало извѣстныхъ тружениковъ—унтеръ-библіотекаря Эрмитажной библіотеки А. И. Лужкова. Что касается первой изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ статей — статьи г-жи Е. В. Гогель,— то она представляетъ спеціальный интересъ, какъ исторія первыхъ шаговъ дѣятельности возникающей крупной учебно-научной библіотеки. Третья статья воспроизводитъ рѣчь памяти В. И. Ламанскаго, произнесенную проф. Н. В. Ястребовымъ въ собраніи Русскаго Библіологическаго Общества 3 апрѣля 1915 г. Нашъ знаменитый славяновѣдъ обрисованъ въ этой рѣчи, какъ библіологъ, библіотековѣдъ и вообще „другъ книги“.

Е. В. Гогель.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

Константинъ Константиновичъ,

какъ Попечитель Библіотеки

Императорскаго Женскаго Педагогическаго Института.

Даже въ переживаемое время великихъ потерь кажется тяжкой и незамѣнимой утрата, постигшая въ лицѣ почившаго Великаго Князя Константина Константиновича всѣхъ близко стоявшихъ къ нему лицъ, всѣ многочисленныя ученыя общества, просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, съ дѣятельностью которыхъ связано Его имя. На долю Педагогическаго Института выпало завидное счастье многіе годы находиться въ постоянномъ общеніи съ обаятельной личностью своего Августѣйшаго Попечителя, и тѣмъ съ большей скорбью была встрѣчена 2 іюня 1915 года печальная вѣсть о Его кончинѣ.

Педагогическій Институтъ, а въ особенности Библіотека, теряли въ почившемъ защитника и ходатая, щедрую заботливую руку, которая протягивалась въ затруднительныя минуты—а сколько ихъ было!—наконецъ, просвѣщеннаго друга, принимавшаго живое участіе во всякой, выпадавшей на нашу долю радости и удачѣ.

Теперь Институтъ переживаетъ пору юношескаго расцвѣтанія,—ростъ еще не законченъ, но черты болѣе или менѣе опредѣлились, выяснилась физіономія женскаго университета съ широкимъ развитіемъ педагогическихъ задачъ образованія.

Дѣтство было на Гороховой, дѣтское имя было *Педагогическіе Курсы*. Зрѣлый возрастъ еще далекъ, но на близкое совершеннолѣтіе можетъ указывать хотя бы такой фактъ, какъ успѣшная сдача государственныхъ экзаменовъ въ Испытательныхъ Комиссіяхъ 1913/14 годовъ при с.-пб. Университетѣ и Институтѣ большимъ числомъ окончившихъ Педагогическій Институтъ.

Эта эволюція, отъ дѣтства къ совершеннолѣтію, произошла въ періодъ съ 1903 г., когда, благодаря настойчивымъ хлопотамъ Великаго Князя, 6 мая 1903 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о преобразованіи Педагогическихъ Курсовъ въ *Женскій Педагогическій Институтъ*.

Бывшіе Педагогическіе Курсы при с.-пб. женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи возникли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія по иниціативѣ начальника с.-пб. женскихъ

гимназій Н. А. Вышнеградскаго, задачей котораго было дать практическую подготовку къ предстоявшей педагогической дѣятельности оканчивающимъ с.-пб. женскія гимназіи. Много пришлось затратить энергіи, чтобы не дать захирѣть новому начинанію, чтобы благополучно провести юное учрежденіе сквозь недоброжелательство, поднимавшееся навстрѣчу нарождавшейся потребности въ женской самостоятельной работѣ.

Соотвѣтственно задачамъ, положеннымъ въ основу этихъ Курсовъ, начали понемногу подбираться и книги, необходимыя для пополненія знаній, дававшихся гимназіей.

Сначала курсы пріютились въ Маріинской гимназіи у Пяти Угловъ, потомъ въ Александровской на Гороховой, и наконецъ съ 1871 г. для нихъ нанимается собственное помѣщеніе на Гороховой, въ томъ же домѣ. Тамъ Библіотека могла уже получить нѣсколько полокъ для книгъ.

На пріобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій Вѣдомствомъ отпускалась ежегодная небольшая сумма (около 200 р.). Время отъ времени, хлопотами начальниковъ гимназій, сначала Н. А. Вышнеградскаго, а потомъ И. Т. Осинина, Педагогическимъ Курсамъ назначалось на книги единовременно по нѣсколько сотенъ рублей. Было принесено въ даръ И. Т. Осининымъ нѣкоторое количество книгъ по астрономіи и высшей математикѣ. Однимъ словомъ, начала собираться библіотека, составившая къ 1882 г. (по записямъ сохранившагося библіотечнаго инвентаря того времени)—1839 томовъ.

Съ 1889 года Попечительство надъ Курсами принялъ на себя Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Инспекторомъ Курсовъ въ то время былъ извѣстный педагогъ И. Ѳ. Рашевскій. Можно пожалѣть, что сложныя обязанности,—И. Ѳ. состоялъ одновременно директоромъ Петровскаго Коммерческаго Училища и преподавателемъ въ Августѣйшей Семьѣ Императора Александра III,—не позволили И. Ѳ. Рашевскому воспользоваться счастливо сложившейся обстановкой и употребить всю его энергію и обширную эрудицію на сформированіе библіотеки. Завѣдываніе ею было поручено, какъ и въ гимназіяхъ, одной изъ надзирательницъ, полностью расходовалась скудная казенная ассигновка (къ тому времени около 300 р. въ годъ), и больше для пополненія библіотеки никакихъ, такъ сказать, особыхъ шаговъ не дѣлалось.

Но и за это время, какъ только выяснялось для Великаго Князя отсутствіе необходимыхъ для занятій пособій, желательныя изданія незамедлительно доставлялись. Такъ, для занятій слушательницъ у С. В. Рождественскаго, Великій Князь прислалъ Шильдера «Александръ I». Когда въ 1901 г., по желанію и на средства Великаго

Князя, былъ приглашенъ М. А. Поліевктовъ для чтенія лекцій по новому для Курсовъ предмету, исторіи искусствъ,—изъ Собственной библіотеки Почетнаго Попечителя были доставлены Гнѣдичъ, Тэнъ.

Всего къ ноябрю 1903 г., по тому же инвентарю, числилось 3384 тома (т. е. за время съ 1882 г. по 1903 г. занесено было въ инвентарь 1545 т.). Сверхъ того было незанесенныхъ въ инвентарь— 688 т. Такимъ образомъ къ ноябрю 1913 г. библіотека состояла изъ 4072 т.

Съ половины 1903 г., какъ сказано выше, начинается новая эра. Во главѣ преобразованнаго учебнаго заведенія, новымъ планомъ отнесеннаго въ разрядъ высшихъ, ставится профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, вырабатываются новые штаты, учреждаются новыя должности, между прочимъ — особая должность библіотекаря. Все начинаетъ приводиться въ ясность, для новыхъ формъ и функцій.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго директора было выясненіе качества Библіотеки. Она оказалась въ довольно жалкомъ состояніи. Бросалось въ глаза почти полное отсутствіе русскихъ классиковъ въ цѣломъ видѣ—Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой, Островскій представлены были отдѣльными томами, въ большинствѣ совершенно истрепанными и для пользованія негодными. О западно-европейскихъ писателяхъ нечего и говорить, они почти отсутствовали. Напр., изъ Байрона были только «Поэмы» въ классномъ изданіи Вейнберга. О какомъ-либо систематическомъ подборѣ книгъ не могло быть и рѣчи.

Узнавъ объ этомъ, Великій Князь выразилъ желаніе придти на помощь. Сейчасъ-же, по Его предложенію, были составлены списки желательныхъ книгъ, какъ для пополненія разрозненныхъ сочиненій, такъ и для обзаведенія насущнѣйше необходимыми произведеніями научной и художественной литературы. Быстро, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, почти все было доставлено въ Библіотеку, притомъ въ готовыхъ переплетахъ. Каждый библіотекарь пойметъ, что значитъ послѣднее и въ финансовомъ отношеніи и въ смыслѣ экономіи труда.

Сверхъ книгъ, значившихся въ этихъ первыхъ спискахъ, вскорѣ были получены такія дорогія изданія, какъ историческая коллекція Onken'a, сочиненія Шильдера, Остромирово Евангеліе (Савинковское изданіе) и др.

Въ 1905 г. Институтъ перешелъ въ собственное помѣщеніе. Необходимо упомянуть, что постройка «своего» зданія могла осуществиться только благодаря моральной и матеріальной поддержкѣ «своего» Почетнаго Попечителя. Библіотека получила наконецъ отдѣльное помѣщеніе, полки, шкафы, необходимую мебель. Началось планомѣрное комплектованіе библіотеки: по всѣмъ научнымъ отрас-

лямъ составлялись списки, все это передавалось или непосредственно Великому Князю или же душевному другу и совѣтнику его, П. Е. Кеппену.

Нельзя не вспомнить съ самой теплой благодарностью имени покойнаго П. Е. Кеппена, этого искренняго друга просвѣщенія, человѣка съ широкимъ образованіемъ, страстнаго библіофила. Всѣ свои досуги посвящалъ онъ книгѣ. Для букинистовъ это былъ вѣрный постоянный покупатель, и они не забывали доставлять въ Мраморный Дворецъ попадавшія въ ихъ руки интересныя книги. А въ результатѣ наша Библіотека получала, иногда неожиданно, какой-нибудь транспортъ. Въ выборѣ же книгъ оба друга руководились драгоцѣннымъ правиломъ «не быть тюремщикомъ мысли», что оба охотно повторяли.

Маленькая подробность, рисующая отношеніе Великаго Князя къ своему другу. На одной изъ книгъ богатой библіотеки П. Е. Кеппена, переданной въ Институтъ исполнительницей воли покойнаго, его племянницей А. П. Орловой, имѣется надпись, сдѣланная характернымъ изящнымъ почеркомъ Августѣйшаго воспитанника: «Дорогому Паигоику», т. е. Павлу Егоровичу (на дѣтскомъ языкѣ).

Художественный вкусъ Великаго Князя сказывался въ охотномъ и заботливомъ пополненіи отдѣла искусства. Достаточно перечислить часть книгъ, поступившихъ въ Библіотеку съ 1903 года: Бенуа, «Русская школа живописи»; Волынскій, «Леонардо да Винчи»; Вышеславцевъ, «Джотто», «Рафаэль», «Умбрійская школа»; Вёрманъ, «Исторія искусствъ»; кн. Гагаринъ, «Сборникъ византійскихъ орнаментовъ»; Ровинскій, «Народныя картинки» (роскошное изданіе, съ атласами репродукцій лубковъ); Мутеръ, «Исторія живописи», «Живопись XIX в.»; Грабарь, «Исторія русскаго искусства» (всѣ вышедшіе до войны выпуски). На иностранныхъ языкахъ: Müntz, «Histoire de l'art pendant la Renaissance»; Gonze, «L'art gothique»; Collignon, «Sculpture grecque»; Springer, «Lehrbuch der Kunstgeschichte»; A. Michel, «Histoire de l'art» (къ сожалѣнію, не кончено). Затѣмъ монографіи-серіи: «Les grands artistes»; «Les maitres d'art»; «Künstlermonographien» Knakfuss'a; «Berühmteste Kunststätten». Всѣ эти изданія составили хорошую основу для отдѣла по исторіи искусствъ. Можно назвать еще нѣсколько крупныхъ даровъ: Ровинскій, «Иллюстрированный подробный словарь гравированныхъ портретовъ»; «Опись Московской Оружейной Палаты», съ альбомомъ; «Древности Россійскаго государства»; «Патерикъ Печерскій 1721 года»; «Рукописный лѣтописный сборникъ XVIII вѣка», научное значеніе котораго установлено академикомъ А. А. Шахматовымъ [1]). Въ своихъ «Разысканіяхъ о древнѣйшихъ

[1]) См. приложеніе № 4.

русскихъ лѣтописныхъ сводахъ», изд. 1908 г., А. А. Шахматовъ на стр. 350, приводя различныя свѣдѣнія лѣтописей о годѣ смерти Ярослава, ссылается, между прочимъ, на показаніе этого самаго «лѣтописца», принадлежащаго Библіотекѣ Педагогическаго Института.

П. Е. Кеппенъ какъ-то мнѣ сказалъ: «Библіотека вѣрно бранитъ насъ за получаемыя зачастую старыя и потрепанныя книги». Конечно, на это можно было только просить о продолженіи такихъ присылокъ, не одно цѣнное, рѣдкое изданіе попало такимъ образомъ на полки институтской Библіотеки.

Однажды, когда по дѣлу Библіотеки мнѣ пришлось быть у П. Е. Кеппена, занимавшаго квартиру въ Мраморномъ Дворцѣ, мое вниманіе привлекли стоявшія въ углу кабинета П. Е. двѣ большія бѣльевыя корзины, до верху наполненныя книгами. Замѣтивъ мой взглядъ, хозяинъ улыбнулся и пригласилъ посмотрѣть. «Предстоящее удовольствіе, — Базыкинъ купилъ чью-то библіотеку и прислалъ на просмотръ. А вотъ результатъ предыдущаго разбора». На одномъ изъ столовъ лежала стопка отобранныхъ книгъ и брошюръ — сочиненій по музыкѣ. Оказалось, что П. Е. подобралъ ихъ, чтобы показать Великому Князю, какъ извѣстно, обладавшему незаурядным музыкальнымъ дарованіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были оставлены Августѣйшимъ музыкантомъ для своей коллекціи, а остальныя получила наша Библіотека.

Нечего и говорить, что всѣ произведенія К. Р. имѣются въ Библіотекѣ. Послѣдній подарокъ — «Царь Іудейскій» въ роскошномъ изданіи съ репродукціями въ краскахъ.

Нерѣдко цѣлыя библіотеки пріобрѣтались Великимъ Княземъ для передачи намъ. Какъ С. Ѳ. Платоновъ, такъ и П. Е. Кеппенъ, при доходившемъ до нихъ слухѣ о возможномъ пріобрѣтеніи какого-нибудь подходящаго для Института книжнаго собранія, не забывали освѣдомлять объ этомъ щедраго Попечителя.

Такъ, въ 1905 г. отъ проф. Д. Д. Гримма былъ пріобрѣтенъ отдѣлъ (около 400 назв.) по русской исторіи и русскому праву, составленный изъ книгъ извѣстнаго ученаго юриста И. И. Дитятина, бывшаго профессора Юрьевскаго Университета. Тутъ были изданія старинныхъ актовъ и грамотъ, писцовыя книги, лѣтописи, Софійскій Временникъ, рукописное Уложеніе 1649 и много друг.

Послѣ смерти генерала Петрушевскаго, мы получили изъ его библіотеки 194 тома, главнымъ образомъ состоявшихъ изъ сочиненій по физикѣ и математикѣ.

Въ 1906 г. была пріобрѣтена библіотека по исторіи церкви (439 томовъ) скончавшагося проф. с.-пб. Университета Б. М. Меліоранскаго. Въ числѣ пріобрѣтенныхъ книгъ находилась интереснѣйшая

рукопись 1681 г., хорошо сохранившаяся, заключавшая въ себѣ «Ключъ столпового пѣнія» разныхъ знаменей. Подробное описаніе этой тетради далъ извѣстный знатокъ и изслѣдователь церковныхъ книгъ, нынѣ покойный Ст. Смоленскій [1]).

За невозможностью пріобрѣсти прекрасную библіотеку покойнаго проф. А. А. Котляревскаго, оцѣненную, если не ошибаюсь, въ 40.000 р., была куплена ея часть, небольшая, но цѣнная коллекція «Слова о полку Игоревѣ» (около 40 назв.), въ томъ числѣ было 1-е изданіе (1800 г.) «Слова» Мусина-Пушкина. Этимъ вкладомъ началось собираніе литературы по «Слову», и въ настоящее время въ Библіотекѣ имѣется 267 №№ изданій, переводовъ, рецензій и замѣтокъ, какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ.

1907 г. принесъ изъ собранія скончавшагося «антропо-географа» Д. А. Коропчевскаго около 350 т. по географіи, этнографіи, статистикѣ и соціологіи. Между прочимъ, «Revue d'anthropologie» за 14 лѣтъ, главные труды Реклю, большой словарь Larouss'a, съ дополняющимъ его «Revue encyclopédique».

При посредствѣ проф. И. А. Шляпкина, послѣ смерти академика А. Н. Пыпина, была пріобрѣтена часть его книгъ (350 томовъ) по исторіи литературы, фольклору, русской исторіи.

Сестрою извѣстнаго общественнаго дѣятеля, С. А. Рачинскою, была передана Институту черезъ Великаго Князя семейная картина Рачинскихъ кисти Богданова-Бѣльскаго, и, сверхъ того, въ Библіотеку поступило, при содѣйствіи преподавателя Института В. Н. Верховскаго, около 1500 томовъ изъ книгъ покойнаго С. А. Рачинскаго, преимущественно изданія XVIII и начала XIX в., по ботаникѣ и естественнымъ наукамъ.

Необходимо сказать еще, что, благодаря заботливости Великаго Князя — Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ, при любезномъ содѣйствіи академика А. А. Шахматова, какъ предсѣдателя Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, мы безпрепятственно и безвозмездно получили всѣ необходимыя намъ имѣвшіяся въ складѣ Академіи изданія, а затѣмъ получали всѣ вновь выходившія изданія [2]). Надо надѣяться, что и въ будущемъ, въ случаѣ возможныхъ затрудненій въ доставленіи намъ этихъ изданій, память добраго желанія почившаго будетъ помощью въ предстоящихъ ходатайствахъ Библіотеки.

Притокъ книгъ требовалъ помѣщенія для нихъ, ростъ и увеличивающіяся функціи Библіотеки требовали рабочихъ рукъ.

---

[1]) См. приложеніе № 5.

[2]) См. таблицу, приложеніе № 2.

На помощь опять-таки шелъ Мраморный Дворецъ—строились шкафы, стѣны обшивались полками. Явилась возможность привлекать вольнонаемную рабочую силу, приглашались предпочтительно своиже слушательницы или окончившія. Изъ того-же источника были пріобрѣтены двѣ печатныя машины—съ русскимъ и иностраннымъ алфавитомъ.

Вотъ въ общихъ цифрахъ сводка отпущенныхъ изъ Мраморнаго Дворца суммъ за время съ 1904 г. по 1914 г. включительно[1]):

	пріобр. том. Число	Отпущено рублей			
		На книги и перепл.	На меб.	На вознагр.	Всего.
1904 . . .	1406	1750	—	—	1750
1905 . . .	1441	1800	—	150	1950
1906 . . .	2379	2310	480	200	2990
1907 . . .	1532	2410	480	200	3090
1908 . . .	1768	2350	—	200	2550
1909 . . .	1035	1780	600	100	2480
1910 . . .	886	900	500	100	1500
1911 . . .	186	200	—	270	470
1912 . . .	31	50	—	255	305
1913 . . .	273	250	600 400 пиш. маш.	360	1610
1914 . . .	61	65	—	705	770
Итого . .	10998	13865	3060	2540	19465

Такимъ образомъ, по подсчету за 11 лѣтъ, было отпущено на Библіотеку около двадцати тысячъ рубл., изъ нихъ: на книги—13865 р., на мебель и печатныя машины—3160 р. и на вознагражденіе за работу въ Библіотекѣ—2440 р.

Съ 1911 г. Институтъ, какъ уже было сказано, окончательно сталъ на ноги, издано новое положеніе, полученъ хорошій бюджетъ. Съ этого времени нѣсколько измѣняется родъ помощи, оказываемой Великимъ Княземъ Библіотекѣ—центръ перемѣщается съ книгъ на работу.

Такіе крупные книжные вклады, полученные Библіотекой за это время, какъ около 30 тыс. книгъ и брош. изъ дублетовъ с.-пб. Университета, болѣе 4000 томовъ отъ наслѣдниковъ покойнаго Главноуправляющаго свѣтл. кн. Ливена, отъ дочерей инженера К. Я. Михайловскаго,

[1]) См. также таблицу, приложеніе № 2.

отъ вдовы бывшаго Товарища Министра И. К. Ренара, отъ А. Ф. Селиванова и др.—требовали разборки и регистраціи [1]). Библіотечный персоналъ былъ заваленъ текущимъ дѣломъ—не хватало рукъ.

С. Ѳ. Платоновъ, съ неослабѣвавшей энергіей заботившійся о Библіотекѣ, не преминулъ привлечь на это вниманіе Великаго Князя, отпущены были средства, и въ результатѣ Библіотека получила возможность увеличить штатъ работавшихъ и начать приведеніе въ порядокъ своихъ книжныхъ сокровищъ.

Надо сказать еще, что, благодаря помощи Великаго Князя, библіотечный персоналъ неоднократно получалъ возможность пополнять запасъ своихъ спеціальныхъ знаній. Такъ, въ 1905 г. мною была получена командировка заграницу для ознакомленія съ библіотеками Германіи и Швейцаріи. Въ 1910 г., совмѣстно съ помощницею библіотекаря А. В. Паллизенъ, я имѣла возможность осмотрѣть библіотеки во Франціи, главнымъ образомъ — изучить постановку библіотечнаго дѣла въ Сорбоннѣ и другихъ большихъ библіотекахъ Парижа, а также присутствовать на состоявшемся въ августѣ 1910 г. съѣздѣ библіотекарей и архивистовъ въ Брюсселѣ. Въ маѣ 1913 г. помощница библіотекаря А. Н. Густенева была командирована въ Москву на библіотечные курсы, организованные Л. Б. Хавкиной при Университетѣ Шанявскаго.

Не мало поучительнаго и интереснаго было вынесено изъ этихъ поѣздокъ и, по мѣрѣ силъ и умѣнья, приложено къ усовершенствованію нашей библіотеки.

Тяжкая болѣзнь настолько пошатнула здоровье Великаго Князя, что, по настоянію врачей, весь 1913 годъ и весну 1914 года Ему пришлось провести въ Египтѣ и на побережьѣ Средиземнаго моря.

Торжественно отпраздновалъ Институтъ 12-е февраля 1914 г., когда исполнялось 25 лѣтъ со дня назначенія Педагогическимъ Курсамъ Почетнаго Попечителя въ лицѣ Великаго Князя, но грустно, конечно, было, вмѣсто личнаго привѣтствія, посылать въ далекіе края письменное выраженіе настроенія всего учрежденія.

Текстъ привѣтствія Августѣйшему юбиляру, утвержденный въ этотъ день въ торжественномъ засѣданіи соединенныхъ Педагогическаго Совѣта Института и Педагогической Конференціи Константиновской Гимназіи, былъ препровожденъ по назначенію директоромъ С. Ѳ. Платоновымъ.

---

[1]) См. таблицу, приложеніе № 1, 2 3.

Библіотека, сверхъ того, передала тѣмъ-же путемъ выраженіе искренняго уваженія и благодарности за исключительную заботливость, обращенную на институтское книжное дѣло.

Тепло и умиленно отвѣтилъ Августѣйшій больной на общій адресъ, а библіотекарь получилъ по телеграфу Его сердечную благодарность по отношенію всего библіотечнаго персонала.

Послѣ пребыванія на тепломъ морѣ, Великому Князю былъ предписанъ водяной курсъ леченія въ Вильдунгенѣ, гдѣ и застала Его грозная туча, надвигавшаяся на Россію. Извѣстно уже, какіе удары изъ этой тучи выпали на долю Великокняжеской Семьи...

И вотъ, 14 сентября 1914 г., послѣ долгаго отсутствія, Великій Князь могъ, наконецъ, вновь принять участіе въ жизни Института.

Въ этотъ день, каждогодно передъ началомъ занятій, въ Институтской церкви совершается послѣ обѣдни молебствіе, въ присутствіи всего штата Института,—учащихся, учащихъ и начальства, во главѣ съ Августѣйшимъ Почетнымъ Попечителемъ.

Маленькая институтская церковь, благодаря раздвижной стѣнѣ, примыкающей къ одной изъ короткихъ сторонъ актоваго зала, въ случаѣ надобности, въ часы церковнаго служенія увеличивается на всю площадь этого зала и можетъ свободно вмѣстить до тысячи молящихся.

Развѣ нездоровье или отсутствіе изъ Петербурга мѣшали Августѣйшему «Блюстителю» присутствовать на этихъ службахъ. Его высокую, юношески-стройную, нѣсколько сутуловатую фигуру можно было обыкновенно видѣть передъ любимымъ и чтимымъ Имъ Распятіемъ.

Между прочимъ, даръ Великаго Князя,—деревянный «басменный» иконостасъ художественной работы, съ рѣзными липовыми старательно и искусно реставрированными Царскими вратами Московской эпохи, своими художественными достоинствами вызвалъ даже спеціальное изслѣдованіе проф. Султанова.

Между другими институтскими новостями послѣдняго времени былъ поднявшійся вопросъ объ открытіи въ помѣщеніи Института лазарета.

Средства были собраны энергіей С. Ѳ. Платонова и пожертвованіями штата Института и Гимназіи, а также учащихся и бывшихъ слушательницъ. Всѣ несли посильный вкладъ. По обыкновенію отозвался и Великій Князь, направивъ на содержаніе лазарета поступившія въ Его распоряженіе ассигнованія на раненыхъ Петроградскаго Стекольно-Промышленнаго Акціонернаго Общества.

Библіотека выдѣлила изъ своего личнаго состава одну изъ помощницъ библіотекаря, Н. И. Чекстеръ, какъ бывшую сестрой

милосердія въ Японскую войну. Она брала на себя обязанности старшей сестры устраиваемаго лазарета.

Еще новостью было предстоящее открытіе лекторіи при Библіотекѣ. Давно назрѣла потребность въ устройствѣ уголка, хотя бы и небольшого, гдѣ безъ помѣхи можно было-бы пользоваться справочными изданіями, гдѣ были-бы выставлены для общаго пользованія послѣднія книжки журналовъ и гдѣ было-бы удобно заняться чтеніемъ и просмотромъ книгъ, не выдающихся на домъ.

Лѣтомъ 1914 года явилась возможность приступить къ оборудованію лекторіи мебелью и освѣщеніемъ, и къ 14 сентября все было готово.

Послѣ молебствія, когда мнѣ удалось подѣлиться радостью, что у насъ есть наконецъ лекторія, Великій Князь выразилъ желаніе тотчасъ-же осмотрѣть ее, для чего пришлось спуститься во 2-й, библіотечный этажъ.

Такъ какъ планъ устройства лекторіи Великому Князю не былъ еще извѣстенъ, мнѣ пришлось, по Его просьбѣ, детально ознакомить Его съ разстановкой справочниковъ на открытыхъ полкахъ, съ журнальнымъ отдѣломъ, расположеннымъ на наклонныхъ полкахъ, а также со способомъ самостоятельнаго свободнаго пользованія всѣми изданіями, при помощи карточнаго каталога-книжки и чертежа съ планомъ расположенія книгъ въ лекторіи.

Въ живыхъ разспросахъ и замѣчаніяхъ чувствовался, какъ всегда, литературно образованный человѣкъ, для котораго не звукъ пустой «Словарь» Даля и «Словарь» Срезневскаго, Littré и Larousse, и который могъ оцѣнить уютную привлекательность новой комнаты для работы надъ книгой.

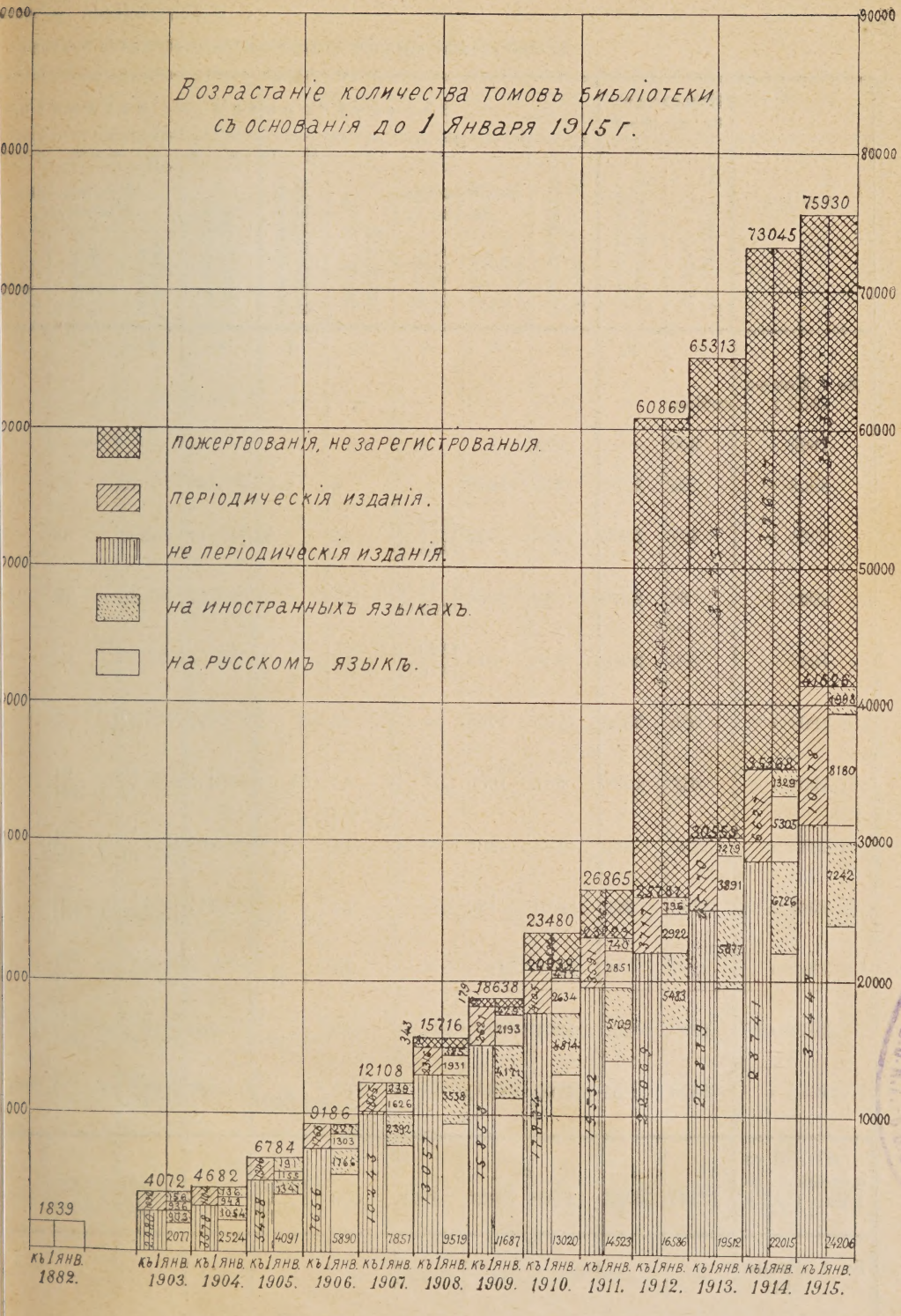
Мысль о проектируемыхъ маленькихъ выставкахъ по поводу разныхъ юбилейныхъ литературныхъ датъ живо заинтересовала Великаго Князя, Имъ былъ тотчасъ-же указанъ первый возможный юбиляръ—Лермонтовъ.

Кстати, въ октябрѣ, дѣйствительно, удалось устроить скромную выставку юбилейной литературы о Лермонтовѣ, благодаря любезности А. Д. Торопова, выдавшаго на нѣкоторое время изъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати всю собравшуюся тамъ, въ общемъ не богатую, современную Лермонтовскую литературу.

Одобривъ выставленную въ лекторіи карту военныхъ дѣйствій, заглянувъ затѣмъ въ помѣщеніе фундаментальной библіотеки, Великій Князь, при прощаньи, указалъ на длинный рядъ книжныхъ шкафовъ вдоль коридора и, смѣясь, сказалъ: «Ваше все царство?»

Дѣйствительно, это было наше библіотечное царство, царство книги, на добрую половину полученное изъ рукъ нашего Попечителя, освѣщавшееся Его обаятельной личностью и навѣки сохраняющее Его память и благодарность за проведенныя въ жизнь золотыя для каждой библіотеки слова: «не быть тюремщикомъ мысли!»

Библіотека Имп. Женскаго Педагогическаго Института.



Библіотека Императорскаго

Поступленіе и реги

(Региструемыя крупныя пожертвованія отмѣчаются знакомъ —

ГОДА.	Израсходовано на книги.		Зарегистровано и каталогизо									
							Пожертвов					
	Изъ средствъ Института.	Изъ средствъ Великаго Князя.	Пріобрѣтено на средства Института.	Изъ Мраморн. Дворца.		Академіей Наукъ.	Петроградскимъ Университетомъ.	Различными учрежденіями.	Персоналомъ Института.		
				Отъ Великаго Князя и П. Е. Кешева.	Отдѣльн. библіот.				С. Ѳ. Платоновымъ.	Ѳ. А. Вятеркомъ.	Остальными.
	р.	р.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.
До 1 Ноября 1903 г.	ок6000	—	2075	—	—	—	—	—	—	—	—
1903 »	936	—	575	—	—	—	—	11	—	—	—
1904 »	403	1750	415	1406	—	5	15	130	80	84	1
1905 »	537	1800	460	726	{521 [1] / 194 [2]}	52	83	54	198	53	3
1906 »	66	2310	82	1900	{40 [3] / 439 [4]}	147	1	101	28	13	11
1907 »	856	2410	516	814	{340 [5] / 378 [6]}	12	2	3	13	1	2
1908 »	533	2350	739	1768	—	35	2	72	42	3	6
1909 »	672	1780	501	1035	—	54	3	448	{10 / + 73}	{9 / + 30}	2
1910 »	1205	900	1139	886	—	14	2	63	{12 / + 21}	{10 / + 89}	1
1911 »	1132	200	610	186	—	34	{2 / + 118}	177	{11 / + 60}	{2 / + 70}	5
1912 »	2281	50	1735	2341 [7])	—	13	{2 / + 300}	9	{27 / + 50}	{13 / + 50}	16
1913 »	1297	250	1201	1392 [7])	—	10	{2 / + 950}	191	{103 / +140}	{20 / + 44}	41
1914 »	1429	65	1700	672 [7])	—	103	{2 / +2400}	87	{22 / +120}	{10 / +250}	18
ИТОГО съ основанія по 1 Янв. 1915 г.	17347	13865	11748	13126	1912	479	{+3768 / 116}	1346	{+464 / 546}	{+533 / 218}	112
Къ 1 Января 1915 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

[1]) Дитятина. [2]) Петрушевскаго. [3]) «Слово». [4]) Меліоранскаго. [5]) Коропч

о Педагогическаго Института.

Приложеніе № 2.

съ 1903 г. по 1915 г.

въ соотвѣтственныя графы перваго отдѣла со знакомъ +).

и брошюръ.				Крупныя пожертвованія, регистрація которыхъ производится постепенно.								
х ъ.				Поступило въ Библіотеку.								
нними.												
Свѣтл. кн. Ливеномъ.	Разными лицами.	ИТОГО.	ВСЕГО зарегистрировано.	Отъ А. Ф. Селиванова.	Отъ С. И. Ремнарь.	Отъ Ѳ. А. Виттберга.	Отъ С. Ѳ. Платонова.	Отъ наслѣдн. С. А. Рачинск.	Отъ Петроград. Университета.	Отъ свѣтл. кн. А. Ливена.	ИТОГО.	Изъ нихъ зарегистрировано.
т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.	т.
—	1997	1997	4072	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	24	35	610	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	33	1770	2185	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	30	1942	2402	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	54	2840	2922	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	20 + 967	2749	3265	429 —170	1051 —967	—	—	—	—	—	1480	—1137
—	221 + 84	2367	3106	— 80	— 84	—	—	—	—	—	—	— 164
—	91	1959	2460	—179	—	2545 — 30	99 — 73	—	—	—	2644	— 282
—	32	1145	2284	—	—	— 89	— 21	1211	—	—	1211	— 110
—	1208	1954	2564	—	—	— 70	190 — 60	— 30	31538 —118	—	31728	— 278
—	31	3037	4772	—	—	— 50	100 — 50	— 38	— 300	—	100	— 438
+352	114	3775	4976	—	—	— 44	180 —140	— 40	— 950	4269 —352	4449	—1526
+600	100	4558	6258	—	—	—250	— 120	— 3	—2400	—600	—	—3373
952	+1051 3955	30128	41876 искл. —250	429 —429	1051 —1051	2545 — 533	569 — 464	1211 — 111	31538 —3768	4269 — 952	41612 —7308	—7308
—	—	—	41626	—	—	2012	105	1100	27770	3317	34304	

а. [1]) Въ т. ч. книги П. Е. Кеппена, поступившія въ Библіотеку послѣ его смерти.

Статистическія свѣдѣнія пользо

Съ 1903 г. по

Года.	Общее число томовъ въ Библіотекѣ.	Число лицъ, пользовавшихся Библіотек.			Выдано томовъ.					Возвращено томовъ.	Зачислено кандидатскихъ карточекъ.
		Слушатели и оставленныхъ при Институт.	Профессоровъ преподав. и служащихъ.	Итого.	На домъ.		Для справокъ.		Итого.		
					За годъ.	На лѣто.	Въ помѣщ. Библ.	Въ Лекторіи.			
1903	4072	185	—	185	1083	—	—	—	1083	932	—
1904	4682	209	4	213	2420	—	—	—	2420	2321	—
1905	6784	215	21	236	4698	—	501	—	5199	5121	—
1906	9186	371	23	394	7608	180	845	—	8633	8525	—
1907	12108	475	29	504	9531	201	911	—	10643	10620	—
1908	15373	491	27	518	9749	315	891	—	10955	11112	—
1909	18479	573	43	616	9509	437	1331	—	11277	11205	—
1910	20939	590	59	649	9740	430	1215	—	11385	11313	—
1911	23223	690	63	753	9940	450	1181	—	11571	11502	991
1912	25787	681	61	742	10008	453	1211	—	11672	11525	1067
1913	30559	790	59	849	9898	467	1329	—	11694	11712	1258
1914	35368	801	70	871	10697	460	938	5309[1]	17404	12130 5309 [1]	1272

[1]) Лекторія открыта съ 14 Сентября 1914 г. Въ нее перенесены всѣ справочныя изданія, а также послѣднія книжки журналовъ. Въ 1914 г. Лекторія была открыта 78 дней.

Приложеніе № 3.

ванія Библіотекою и Лекторіею.

1 Января 1915 г.

ОБЩІЙ СВОДЪ.

Выдано и возвращено книгъ и зачислено кандидатокъ по Библіотекѣ.		Лекторія (открыта съ 14 Сентября 1914 г.).	
Въ теченіе года.	Въ среднемъ въ день, при 165 учебныхъ дняхъ.	Общее число посѣщеній.	Въ среднемъ на одинъ день.
2015	12	—	—
4741	28	—	—
10320	62	—	—
17158	104	—	—
21263	129	—	—
22067	134	—	—
22482	136	—	—
22698	137	—	—
24064	146	—	—
24264	147	—	—
24664	149	—	—
36115	219	5309 [1])	68

Приложеніе № 4.

Описаніе рукописи Библіотеки Женскаго Педагогическаго Института № 7415 общаго инвентаря.

Рукопись XVIII вѣка (писана «1780 года октября 18»), на 76 листахъ, представляетъ изъ себя лѣтописный сборникъ, составленный, повидимому, въ Новгородѣ въ концѣ XVII столѣтія. Сборникъ этотъ основывается: 1) на извѣстной статьѣ «О исторіи еже о началѣ русскія земли и созданіи Новаграда» (ср. Ѳ. Гиляровъ «Преданія русской начальной лѣтописи», стр. 15 сл.; Поповъ «Изборникъ» стр. 442 сл.), 2) на Синописцѣ, 3) на позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописяхъ, 4) еще на другихъ источникахъ (Патерикъ, отдѣльныя сказанія).

Начиная съ 6370 (862) года, событія располагаются хронологически съ нѣкоторыми обычными и въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ отступленіями. Послѣднія извѣстія относятся къ 7079 (1571) году: сожженіе Москвы Крымскимъ царемъ 24 мая, поставленіе архіепископомъ Новгородскимъ Леонида (при чемъ сообщено и о томъ, что онъ былъ удавленъ черезъ два года на Москвѣ), непонятный переполохъ въ Новгородѣ 6 мая, освященіе церкви въ Саввиной Пустыни на рѣкѣ Вишерѣ 17 іюня, моръ по всей россійской землѣ. Составъ сборника указываетъ, что главный интересъ автора этой компиляціи сосредоточивался на Новгородской (и Псковской) церковной жизни. Преимущественное вниманіе удѣляется событіямъ, связаннымъ съ постройкою церквей и монастырей, поставленіемъ владыкъ Новгородскихъ, чудесъ отъ мощей и иконъ. Составитель интересуется церковной жизнью и другихъ русскихъ центровъ. Въ противоположность Лѣтописи Новгородской церквамъ Божіимъ, ему не чужды и политическіе интересы: выдающіеся моменты политической исторіи русской земли подолгу останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Но, несмотря на это, описываемый сборникъ можно признать особымъ изводомъ Новгородской Лѣтописи церквамъ Божіимъ, связаннымъ съ предшествующими изводами единствомъ замысла.

Важно отмѣтить, что въ сборникѣ попадается цѣлый рядъ извѣстій, неизвѣстныхъ изъ обнародованныхъ лѣтописей.

Есть основаніе думать, что этотъ сборникъ представляется спискомъ со сборника XVII в., принадлежащаго И. Е. Забѣлину (или съ протографа того сборника) и упомянутаго въ исторіи города Москвы, стр. 31 и 37 прим. Изъ него Забѣлинымъ напечатано (въ современномъ пересказѣ) сказаніе о началѣ Москвы, тожественное со сказаніемъ, читаемымъ въ описываемомъ сборникѣ (л. 36 и сл.). Забѣлинъ свой сборникъ характеризуетъ, какъ компиляцію изъ новгородскихъ лѣтописцевъ позднѣйшаго состава (стр. 31).

Научное изслѣдованіе и болѣе подробное описаніе настоящаго сборника возможно послѣ разрѣшенія вопроса объ отношеніи его къ упомянутому сборнику И. Е. Забѣлина.

Отмѣчу близкую связь описываемаго сборника съ Эрмитажнымъ № 445, а также съ такъ называемою Софійскою лѣтописью (С.-Пб. 1795).

А. Шахматовъ.

19 марта 1907 г.

Приложеніе № 5.

Описаніе рукописи Библіотеки Женскаго Педагогическаго Института № 7922 общаго инвентаря.

Рукопись $4^1/_2 \times 3^1/_2$ вершка, внутри разныхъ форматовъ письма, въ мягкомъ кожаномъ переплетѣ (съ тонко вытѣсненнымъ узоромъ), на 101 л. Принадлежала Б. М. Меліоранскому.

Л. 1. Вязь киноварная, переписанная ниже карандашомъ: «Яко же бо высѣкаяй огнь воздвигнетъ пламень, тако и мірскія бесѣды воздвижуть страсти въ сердце монаховѣ. Любяй рѣчи женскія воздвигнетъ на ся блуднаго бѣса: глаголетъ преподобный Ефремъ». Карандашомъ: рукопись 1681 года.

Внизу страницъ съ *л.* 1 до *л.* 17 подпись: «сія книга, именуемая ключемъ столпового пѣнія, принадлежитъ регенту Вологодскаго архіерейскаго пѣвческаго хора протоіерею Александру Воронову, куплена имъ 1839 г. Сентября 28 дня».

Л. 1 об. Вязь киноварная: «лѣта 7189 (1681) году Маия въ 30 день на память мученика Іустина, знаменіе мусикійскихъ правилъ въ сихъ двухъ таблицахъ партесный разумъ вкратцѣ положенъ и въ тонкость изъясненъ роздаяніемъ гласовъ партесного пѣнія труды и тщаніемъ многогрѣшнаго раба Игнатія, а писалъ своею бренною рукою».

Таблица представляетъ собою обычное слѣдованіе голосовыхъ партесныхъ 7 ключей.

Съ *л. 2* и до *38* «Азбука знаменнаго пѣнія старца Александра Мезенца». Списокъ страдаетъ многими поправками и недостаточно грамотнымъ изложеніемъ (напр., *л.* 2—«Феодору Алексѣевичю», *л. 2 об.* «Зрпа», *л. 4 об.* 3-я строка заглавіе сочиненія «Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ» etc. не выдѣлено изъ текста; извѣстное стихотвореніе съ акростихомъ «Трудился Александръ Мезенецъ и прочіи», должное быть на *л. 38 об.*—отсутствуетъ).

Л. 38 об. Таблица ключей партеснаго пѣнія.

Л. 39 и *40.* Голосовыя упражненія.

Л. 41—64. «Ключъ» Тихона Макарьевскаго въ обычномъ его изложеніи, но съ пропускомъ предисловія и послѣсловія, равно и заключительнаго акростиха «Трудился о семъ монахъ Тихонъ Макаріевскій».

Л. 65—75. Фитникъ — отличнаго состава и письма, но къ сожалѣнію безъ названій при начертаніяхъ самыхъ Θитъ на поляхъ.

Л 75. Дата 7192 г. Ноября 1, т. е. 1684.

Л. 76—чистый листъ.

Л. 77—79. «Имена Казанскому знаменію, иже не обрѣтаются въ столповомъ знамени» (*л. 77 об.*). 2-я часть этой азбуки—вещь очень хорошая и очень рѣдкая Предисловія нѣтъ. (Ср. Имп. убл. Библ., Собраніе Титова № 731).

Л. 80 об. «Описаніе согласнѣйшихъ»—вещь также очень рѣдкая, но въ этомъ спискѣ изложенная совершенно неудовлетворительно, не полно и спутанно.

Л. 83 об. одпись съ датою 1683.

Л. 84. Чистый листъ.

Л. 85—99 об. 11 утреннихъ Евангельскихъ стихиръ въ изложеніи «большимъ роспѣвомъ», приписываемымъ дьяку Опекалову.

Л. 99 об. Неразборчивая подпись.

Л. 100—101. Чистые листы.

Ст. Смоленскій.

10 декабря 1906 г.

С. А. Гамаловъ-Чураевъ.

Александръ Ивановичъ Лужковъ,

библіотекарь и хранитель Эрмитажа

при Императрицѣ Екатеринѣ II.

«Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается: наше солнце вокругъ насъ ходитъ» сказалъ архіепископъ могилевскій Георгій Конисскій при торжественной встрѣчѣ Императрицы Екатерины II въ Мстиславлѣ во время ея путешествія въ Крымъ въ 1787 г. Это сравненіе надо признать и остроумнымъ и справедливымъ. Источникомъ блеска царствованія Екатерины была сама Императрица. Вдохновляемые обожаемою Монархиней, ея генералы, адмиралы, дипломаты, администраторы проявили свои блестящія способности: одни совершали побѣды на сушѣ и на морѣ и приводили подъ защиту мощныхъ крыльевъ русскаго двуглаваго орла значительныя области; другіе закрѣпляли за русскою властью покоренныя первыми территоріи; третьи населяли и вводили гражданственность въ мѣстахъ, дотолѣ представлявшихъ степи, пугавшія менѣе прозорливыхъ лицъ, которымъ Императрица милостиво дарила эти земли. Поэты и художники увѣковѣчивали въ памяти потомства ея мудрость и величественность; ученые прилагали свои знанія къ изученію и къ использованію богатствъ ея новой родины.

Но блескъ этотъ не ограничивался подвигами ея геніальныхъ сподвижниковъ, совершавшихъ дѣла, явно ощущаемыя,—во внутреннихъ комнатахъ ея дворца мирно и, можетъ быть, до нѣкоторой степени планомѣрно, творилось дѣло, блескъ котораго въ полной мѣрѣ ощущаемъ мы только теперь. И на этотъ разъ она явилась не только вдохновительницей, но и активнымъ лицомъ въ томъ громадномъ дѣлѣ, которое, начавшись съ малаго и быстро развиваясь, претворилось въ такое государственное учрежденіе, которое одно способно обезсмертить имя своего создателя. Я говорю объ Эрмитажѣ, о которомъ уже въ 1794 г. академикъ І. Г. Георги упоминаетъ съ такимъ восторгомъ въ своемъ «Описаніи Россійско-Императорскаго столичнаго города Санктъ-Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго».

Одаренная отъ природы проницательнымъ умомъ и большою любознательностью, но вышедшая замужъ за человѣка крайне ограниченнаго, посвящавшаго свои досуги дѣтскимъ забавамъ, Екатерина,

вдова при живомъ мужѣ, съ ребенкомъ, отнятымъ у нея почти съ самаго рожденія, благодаря своему сильному характеру, не только не пала духомъ, но стала еще смѣлѣе, оправдавъ извѣстное выраженіе Пушкина: «такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ».

Какъ въ силу своего одиночества, такъ благодаря природной любознательности, она отдалась чтенію книгъ, постепенно затрагивавшихъ все болѣе и болѣе серьезные вопросы и приведшихъ къ знакомству съ лучшими произведеніями литературы, не исключая и философской. Она не оставляла чтенія и послѣ своего воцаренія, но теперь обращалась къ литературному матеріалу уже съ болѣе опредѣленною цѣлью: добросовѣстное отношеніе къ вопросамъ, подлежавшимъ ея рѣшенію, заставляло Императрицу прибѣгать къ книгѣ. Такимъ образомъ, еще до пріобрѣтенія цѣлыхъ цѣнныхъ библіотекъ: Вольтера, Дидро, д'Аламбера, маркиза Галліани, Николаи и Циммермана, князя Щербатова и географа Бюшинга, у Императрицы уже имѣлась порядочная библіотека, состоявшая какъ изъ прежде попавшихъ во дворецъ книгъ, такъ и пріобрѣтавшихся постепенно, по мѣрѣ выхода ихъ или проявленія у Императрицы интереса къ тому или другому вопросу. Изъ этой библіотеки августѣйшая хозяйка часто брала книги въ кабинетъ и, по минованіи надобности, возвращала. Въ этомъ отношеніи интересенъ документъ отъ 21 Января 1804 г. за подписью камеръ-фурьера Ильи Медкова, сохранившійся въ архивѣ Императорскаго Эрмитажа. «Съ 1784 г. и въ послѣдующіе годы до самой кончины Государыни Императрицы Екатерины II, по Ея повелѣнію вносимы были въ комнату Ея Величества книги разныя изъ придворной россійской библіотеки, которая учреждена при Эрмитажѣ для чтенія придворныхъ служителей»... Дальше говорится о томъ, что всѣ взятыя Императрицею изъ этой библіотеки книги, «вмѣстѣ съ протчими комнатными», по кончинѣ ея поступили въ «большую иностранную библіотеку» и, только благодаря распоряженію «дѣйствительнаго камергера графа Дмитрія Петровича Бутурлина», были вновь возвращены въ россійскую библіотеку. Къ этому документу приложенъ и «Реестръ книгамъ», въ которомъ дается 60 названій различныхъ книгъ въ числѣ 114 томовъ. Кромѣ «указовъ» Императоровъ Петра I и Петра II и Императрицы Екатерины I и ея собственныхъ, тутъ встрѣчается весьма большое разнообразіе книгъ: «Тилемахида, или странствованія Тилемаха, сына Одиссѣева», «Гомерова Иліада, перевѣденная Ермиломъ Костровымъ», «Руская лѣтопись по Никонову списку» «Введеніе въ Артиллерію», «Топографія Оренбургская, сочиненное (sic) Петромъ Рычковымъ», «Тарифъ о сборѣ пошлинъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ при портахъ Чернаго моря», разные «мѣсяцесловы» и т. д.

Въ описаніи Эрмитажа, составленномъ хранителемъ отдѣленія его, Ф. Жилемъ, подъ заглавіемъ: «Музей Императорскаго Эрмитажа», 1861 г., дается объясненіе происхожденія упомянутой въ приведенномъ выше документѣ русской библіотеки.

«Въ 1766 г., проходя по заламъ Эрмитажа, Императрица замѣтила молодого дежурнаго лакея, погруженнаго въ чтеніе книги, и, любопытствуясь узнать, что привлекало вниманіе молодого человѣка, не помышлявшаго о внезапномъ присутствіи Ея Величества, взяла у него изъ рукъ книгу; это были разсказы Мармонтеля. Увидя смущеніе лакея, Императрица успокоила его милостиво и похвалила его даже за хорошее употребленіе времени».

«Это именно обстоятельство», говоритъ далѣе Жиль, «дало поводъ къ учрежденію при Эрмитажѣ библіотеки, какой, можетъ быть, и не существуетъ во всей Европѣ,—т. е. библіотеки, назначенной исключительно въ пользу дежурныхъ придворныхъ служителей».

Но любовь къ книгѣ была только однимъ проявленіемъ богатой природы Императрицы, обнаруживавшей не только любознательность, но и большой вкусъ ко всему изящному. Она стала собирать всякаго рода предметы искусства, начиная съ предметовъ живописи и скульптуры и кончая гравюрами, геммами и художественной работы драгоцѣнными вещами. Такимъ образомъ составилось нѣсколько различныхъ коллекцій, къ которымъ уже нельзя было относится, какъ къ бездѣлушкамъ богатаго дома: эти предметы требовали знанія и труда спеціалиста, который бы отнесся къ нимъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого такіе предметы заслуживаютъ. Однимъ словомъ, нуженъ былъ ученый хранитель. Императрица, несомнѣнно, сознавала это. Но отыскать подходящее лицо едва-ли было по тогдашнему времени легко.

Осенью 1762 года происходили въ Москвѣ коронаціонныя празднества, по случаю которыхъ другъ Потемкина, Василій Петровичъ Петровъ, написалъ стихотвореніе, поднесенное Императрицѣ княземъ Н. В. Репнинымъ. Автора понравившагося ей стихотворенія Императрица вспомнила черезъ 7 лѣтъ и предложила ему должность переводчика при Кабинетѣ Ея Величества, а въ 1774 г., какъ сказано въ краткомъ біографическомъ очеркѣ В. П. Петрова, составленномъ Н. Пл. Барсуковымъ и приложенномъ къ «Дневнику» Храповицкаго, онъ былъ назначенъ библіотекаремъ Императрицы и хранителемъ ея драгоцѣнныхъ вещей. Василій Петровичъ, прозванный «карманнымъ поэтомъ» Императрицы, былъ человѣкъ очень способный и даже талантливый, основательно знакомый съ древними и новыми языками. Такой человѣкъ, повидимому, былъ необходимъ Императрицѣ Екатеринѣ не только для завѣдыванія ея музеемъ, но и для исполненія лич-

ныхъ ея порученій, требовавшихъ частыхъ его отлучекъ изъ Петербурга. Въ спискѣ ученыхъ и писателей, приведенныхъ проф. Георги, упоминается и Петровъ, при чемъ говорится, что онъ проживаетъ въ Москвѣ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, говоря о библіотекѣ Императрицы, сообщаетъ: «Императорскій библіотекарь г. коллежскій совѣтникъ Петровъ, но, какъ оный часто долгое время въ Москвѣ бываетъ, то вмѣсто онаго препоручено надзираніе Императорскому унтеръ-библіотекарю г. коллежскому ассессору Лужкову», такъ что Лужкова надо считать фактическимъ устроителемъ библіотеки и галлереи драгоцѣнностей Эрмитажа временъ Императрицы Екатерины II.

Свѣдѣнія объ Александрѣ Ивановичѣ Лужковѣ, къ сожалѣнію, очень скудны и носятъ очень отрывочный характеръ, такъ какъ современники или заносятъ его имя въ свой краткій дневникъ по тому или другому случайному факту, какъ А. В. Храповицкій, или упоминаютъ о немъ въ спискахъ ученыхъ или должностныхъ лицъ послѣдней четверти XVIII в., какъ это дѣлаетъ тотъ же Георги, помѣщая его имя въ своемъ «Описаніи столичнаго города Петербурга» нѣсколько разъ.

У В. П. Семенникова въ краткомъ біографическомъ очеркѣ А. И. Лужкова сообщается, что онъ получилъ образованіе въ академической гимназіи. Интересно, поэтому, узнать, что представляла собою эта гимназія.

Академическая гимназія, проектированная въ 1724 г. при Академіи Наукъ Императоромъ Петромъ I, была открыта только въ 1726 г. Императрицею Екатериною I. Цѣлью основанія ея было желаніе подготовить русскихъ слушателей высшей науки, для преподаванія которой при той же Академіи былъ основанъ и университетъ. Выписывая для всѣхъ этихъ научныхъ учрежденій нѣмецкихъ профессоровъ, Петръ I ни на минуту не упускалъ изъ виду національныхъ интересовъ Россіи, и вовсе не думалъ пользоваться услугами иностранцевъ вѣчно. Онъ хотѣлъ подготовить кадръ русскихъ дѣятелей, которые сдѣлали бы излишними услуги иноземцевъ. До какой степени, дѣйствительно, ощущалась необходимость въ среднеучебномъ заведеніи, видно изъ того факта, что пріѣзжіе профессора, за неимѣніемъ слушателей въ Россіи, должны были для открытія университетскихъ лекцій выписать студентовъ изъ Германіи, каковыхъ явилось на призывъ 8 человѣкъ—на 17 профессоровъ.

Академическая гимназія въ теченіе всего своего существованія представляла собою, какъ учебное заведеніе, нѣчто совершенно неудовлетворительное, такъ какъ складывалась изъ отрицательныхъ элементовъ и условій. Какъ бы учены ни были выписанные изъ

Германіи профессора, но одно обстоятельство — полное незнаніе ими русскаго языка—дѣлало ихъ совершенно непригодными для роли учителей. Этотъ основной минусъ сильно отразился на организаціи школы, исключивъ изъ нея родной языкъ въ качествѣ языка преподаванія и поставивъ на мѣсто его въ младшихъ классахъ нѣмецкій языкъ, а въ старшихъ латинскій. Кромѣ того, ученые мужи, состоявшіе членами высшаго въ Имперіи просвѣтительнаго учрежденія, мало интересовались гимназіей, представлявшей собою уродливый наростъ на тѣлѣ Академіи и, слѣдовательно, не могли пробудить интереса къ ней и въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что гимназія не давала обучающимся въ ней никакихъ правъ. До открытія шляхетскаго корпуса, въ 1731 г., академическая гимназія еще привлекала учащихся, а затѣмъ захирѣла; ее пришлось искусственно наполнять учениками: дѣтьми солдатъ, матросовъ, плотниковъ, кузнецовъ и прочихъ ремесленниковъ, и то съ большимъ трудомъ. Правда, поступали и позже дѣти интеллигентныхъ родителей и даже высокопоставленныхъ лицъ, но ихъ было очень мало. Предоставленіе гимназіи въ полное распоряженіе отдѣльныхъ лицъ, инспекторовъ, въ смыслѣ ихъ права какъ составлять учебныя программы, такъ и опредѣлять число классовъ и продолжительность пребыванія учащихся въ каждомъ изъ нихъ, еще болѣе ухудшало дѣло, внося полный произволъ и нарушая столь важный въ педагогическомъ дѣлѣ принципъ единства. Такъ продолжалось до 10 августа 1750 г., когда послѣдовало «учрежденіе о университетѣ и гимназіи за подписаніемъ Академіи Наукъ г-на Президента», нѣчто въ родѣ устава гимназіи. Къ сожалѣнію, это «учрежденіе» не только не внесло ожидаемаго единства и цѣльности, а, установивъ, съ одной стороны, правильный взглядъ на назначеніе гимназіи, имѣющей цѣлью подготовлять слушателей для университета, съ другой—узаконяло и существовавшее раньше право отдѣльныхъ лицъ измѣнять данную ниже программу, сообразно съ личнымъ вкусомъ и обстоятельствами жизни. § 28 этого устава говоритъ: «Ежели кто изъ вольныхъ въ наукахъ преуспѣвать и въ университетѣ на профессорскія лекціи ходить пожелаетъ, тотъ, по предписанному образцу, долженъ учиться латинскому и греческому языкамъ, исторіи, георафіи, ариѳметикѣ и геометріи, а ежели кто не отъ наукъ содержаніе свое имѣть похочетъ, тому учиться въ гимназіи тѣмъ наукамъ, которыя служатъ къ его намѣренію».

Не имѣя въ виду касаться всѣхъ моментовъ жизни академической гимназіи и отсылая интересующихся ею къ книгѣ извѣстнаго администратора на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого [1]), я остановлюсь на дѣятельности двухъ лицъ: Ломоносова

[1]) У него и мною заимствованы приводимыя свѣдѣнія объ академической гимназіи.

и педагога и ученаго Бакмейстера, такъ какъ на послѣдніе годы управленія гимназіей перваго и первые годы—второго падаетъ время ученія А. И. Лужкова и пребыванія его въ Академической гимназіи.

Ломоносовъ, получивъ гимназію въ свое завѣдываніе въ 1758 г., оставался главнымъ распорядителемъ до самой смерти, 4 апрѣля 1765 г. Личность Ломоносова немедленно сказалась на порядкахъ гимназіи. Съ самаго начала основанія своего гимназія дѣлилась на «нижніе и верхніе классы», при чемъ, за исключеніемъ трехлѣтняго періода, отъ 1735 г. до 1738 г. (ректорство Фишера и Шванвица), все время нижніе классы были нѣмецкіе, а верхніе — латинскіе. Ломоносовъ сдѣлалъ языкомъ преподаванія въ нижнихъ классахъ русскій. Онъ же составилъ, какъ самъ говоритъ, «узаконенія» для учащихся въ гимназіи, въ которыхъ изложены были правила о томъ, какъ ученики должны были вести себя въ отношеніи учителей и другъ съ другомъ, а также и регламенты университета и гимназіи. «Мое единственное желаніе», писалъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы»... «Всѣми силами стараюсь о ученыхъ россіянахъ, сочинилъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію». Онъ также прилагалъ всѣ усилія къ увеличенію числа учащихся и сейчасъ же завелъ при гимназіи пансіонъ на 40 казенно-коштныхъ воспитанниковъ и предлагалъ увеличить впослѣдствіи ихъ число до 60. Онъ же заботился и о снабженіи учащихся учебниками, которыхъ у многихъ не было, и не останавливался передъ выпискою ихъ даже изъ-за границы.

Но справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти усилія мало помогали дѣлу, такъ какъ души его, самаго качества преподаванія, онъ совершенно не коснулся или, по крайней мѣрѣ, не улучшилъ. По прежнему, преподавателями оставались студенты, убоявшіеся глубины премудрости, и не желавшіе продолжать ученіе въ университетѣ. Это обстоятельство было бы еще не столь важно, если бы эти же педагоги посильно старались исполнить свой долгъ преподавателя и аккуратно посѣщали уроки. Между тѣмъ, объ одномъ изъ самыхъ способныхъ студентовъ-преподавателей, Семенѣ Веденскомъ, мы находимъ въ протоколѣ отъ 11 декабря 1760 г., подписанномъ Ломоносовымъ: «по указу Ея Императорскаго Величества, канцелярія Академіи Наукъ приказали: гимназіи учителя Семена Веденскаго, который съ 28 ноября сего года въ классы хожденія не имѣлъ, снявъ шпагу, держать подъ карауломъ, впредь до резолюціи при Академіи, а вмѣсто его, для обученія его класса, выбрать г-ну Модераху [1]) способнаго изъ студен-

[1]) Инспекторъ гимназіи.

товъ, и о томъ г-ну Модераху послать ордеръ, а о держаніи онаго Веденскаго подъ крѣпкимъ карауломъ прапорщику Галлу приказать». О пьянствованіи, какъ обычной причинѣ непосѣщенія гимназіи, существуетъ много записей. Надо согласиться, что при несовершенствѣ пріемовъ преподаванія, среди которыхъ первое мѣсто занимали брань и битье, такіе учители не много могли принести пользы обучающимся у нихъ молодымъ людямъ. При всемъ томъ я бы отмѣтилъ одну заслугу Ломоносова: обаяніе его личности, пропаганда національной идеи и преданность дѣлу просвѣщенія не за страхъ, а за совѣсть должны были призводить впечатлѣніе, хотя бы на единичныхъ лицъ, болѣе воспріимчивыхъ.

Преемникомъ Ломоносова въ должности руководителя гимназіи былъ Бакмейстръ, который съ перерывомъ въ два года, когда гимназія была отдана подъ управленіе Фишера (1766-1768), велъ гимназію въ теченіе 8 лѣтъ.

Дѣятельность Бакмейстера, принципіально справедливо неодобряемая гр. Толстымъ съ точки зрѣнія послѣдовательности и систематичности веденія дѣла, несомнѣнно, была полезна для отдѣльныхъ лицъ. Надо принять во вниманіе, что академическая гимназія въ это время не представляла правильно огранизованнаго цѣлаго, расчлененнаго на классы съ болѣе или менѣе однообразнымъ составомъ учащихся. Если не въ той степени, какъ прежде, во всякомъ случаѣ, значительна должна была быть разница между «казенными учениками» и «вольными гимназистами», между проходившими полный курсъ и тѣми, которые поступали въ гимназію съ цѣлью изученія, напримѣръ, языковъ (латинскаго, французскаго, нѣмецкаго). Понятное дѣло, что Бакмейстеръ, видя такую смѣсь и не желая задерживать развитія однихъ учениковъ въ угоду другимъ, отставшимъ вольно или не вольно, старался устройствомъ спеціальныхъ курсовъ придти на помощь умственной потребности болѣе даровитыхъ. При этомъ, онъ, естественно, обратилъ вниманіе на старшій классъ. Онъ устроилъ особые курсы лекцій по разнымъ отдѣламъ науки на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и допустилъ къ слушанію ихъ шесть учениковъ старшаго класса. Этимъ ученикамъ даны были шпаги, какъ студентамъ, и отведены имъ комнаты при Академіи для облегченія имъ практическихъ занятій при академическихъ лабораторіяхъ. Они были отличены особымъ названіемъ «элевовъ». Онъ же выбралъ изъ старшаго класса 16 учениковъ, которые были отправлены въ ученую экспедицію съ академиками: Палласомъ, Лепехинымъ, Гмелинымъ, Гильденштедтомъ и Фалькомъ. Вотъ та учебная среда, въ которой складывался умственный и нравственный кругозоръ Александра Ивановича Лужкова.

Мнѣ не удалось пока установить документально происхожденіе Лужкова и, хотя бы приблизительно, ту обстановку, въ которой онъ получилъ основной духовный складъ до поступленія своего въ гимназію. Поэтому я попытаюсь подойти къ этому вопросу путемъ нѣкоторыхъ сопоставленій.

Изъ справки о службѣ Лужкова, сдѣланной по распоряженію начальства для выдачи ему паспорта для свободнаго проживанія, «оказалось: надворный совѣтникъ Александръ Лужковъ, съ начала (sic) въ службу вступилъ въ 1762-мъ году въ лейбъ-кирасирскій полкъ вахмистромъ, и бывъ въ семъ званіи, находился съ 1771-го года при собственной Ея Императорскаго Величества библіотекѣ». Такъ какъ онъ родился въ 1754 году, то ко времени назначенія его вахмистромъ ему было только 8 лѣтъ. Это обстоятельство заставляетъ думать, что онъ былъ происхожденія дворянскаго и воспользовался обычаемъ, съ теченіемъ времени установившимся, по которому дѣти дворянъ съ малыхъ лѣтъ заносились въ списки различныхъ полковъ и, оставаясь, естественно, фактически дома, получали военныя производства въ предѣлахъ нижнихъ чиновъ, а поступая на дѣйствительную службу, производились въ офицерскіе чины. Самый полкъ, въ которомъ Лужковъ числился, состоявшій изъ лицъ знатныхъ фамилій, можетъ дать право заключать, что у родителей Александра Ивановича были связи. Къ заключенію объ обезпеченности семьи Лужкова можно придти изъ того обстоятельства, что онъ былъ вольнымъ гимназистомъ, а не казеннымъ.

За отсутствіемъ пока болѣе опредѣленныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, какіе факторы съ малыхъ лѣтъ дѣйствовали на умственный и нравственный складъ молодого Лужкова, я позволю себѣ ограничиться предѣлами времени пребыванія его въ гимназіи, принявъ за время поступленія его въ учебное заведеніе 9—10-лѣтній возрастъ. Эти годы его совпадаютъ съ 1763—1764 годами, т. е. послѣдними двумя годами управленія гимназіей Ломоносова [1]). Выше мы дали характеристику дѣятельности Ломоносова, и здѣсь мы можемъ высказать убѣжденіе, что вмѣстѣ съ элементами наукъ его ученикъ воспринималъ здоровыя сѣмена уваженія ко всему родному, столь выдвигаемому и защищаемому Ломоносовымъ. Слѣды этой черты въ характерѣ Александра Ивановича мы увидимъ ниже. Можно даже думать, что и самая личность Ломоносова, прямая, честная, и потому

---

[1]) Если даже Лужковъ поступилъ и въ старшіе классы, то и тогда педагогическая дѣятельность Ломоносова, столь виднаго человѣка, не могла пройти безъ вліянія на его характеръ, какъ не прошла она безъ этого вліянія на языкъ его произведеній, какъ это мы увидимъ ниже.

гордая и не совсѣмъ скромная въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, произвела впечатлѣніе на юнаго Лужкова, какъ тоже мы замѣтимъ ниже.

Послѣ смерти Ломоносова, въ теченіе двухъ лѣтъ руководилъ гимназіею проф. Фишеръ, человѣкъ деспотическій, насколько можно судить какъ по его распоряженіямъ, такъ и по грубому противодѣйствію, оказанному, несомнѣнно по его адресу, учащимися и выразившемуся въ поджогѣ зданія гимназіи. Два года такого управленія должны были оставить въ душѣ 13-лѣтняго мальчика весьма отрицательнаго характера слѣды. Дѣятельность Бакмейстера, къ которому, какъ я выше говорилъ, во второй разъ перешла гимназія, должна была оказать благотворное дѣйствіе на отдѣльныхъ лицъ изъ числа учащихся подъ его руководствомъ, но не въ смыслѣ ихъ общаго систематическаго, гармоническаго развитія; она должна была поддержать и помочь индивидуальной склонности ихъ ума, если у кого она проявлялась. Онъ даже распорядился опросить старшихъ учениковъ о ихъ научныхъ склонностяхъ, чтобы не навязывать имъ чуждаго ихъ душѣ научнаго матеріала, а съ другой стороны—развить начинающія прорастать въ ихъ душѣ сѣмена. Если Александръ Лужковъ не былъ въ числѣ тѣхъ 16 гимназистовъ старшихъ классовъ, которые были отправлены въ 1768 году съ нашими знаменитыми академиками въ экспедицію, такъ какъ тогда ему было только 14 лѣтъ, и онъ долженъ былъ быть въ первомъ классѣ «вышняго» отдѣленія, то, почти навѣрное, можно предположить, что въ числѣ 6 гимназистовъ, которые съ 1770 г. были возведены въ званіе «элевовъ» и слушали спеціальные научные курсы, устроенные Бакмейстеромъ, независимо отъ гимназическихъ и университетскихъ занятій, онъ былъ.

Вотъ эти курсы: I. Лексель читалъ математику.
II. Вольфъ и Лаксманъ—естественную исторію.
III. Крафтъ—физику.
IV. Бакмейстеръ долженъ былъ обратить *особенное вниманіе на латинскій яз. и рисованіе.*

Послѣдніе два предмета, какъ будто, нарочно были подчеркнуты для Александра Ивановича, которому латинскій языкъ нуженъ былъ, какъ языкъ большинства научныхъ сочиненій, а рисованіе въ особенности было ему полезно, какъ будущему хранителю геммъ и драгоцѣнностей перваго въ этомъ родѣ русскаго музея. Предположеніе, что Александръ Ивановичъ слушалъ эти спеціальные курсы, находитъ въ оффиціальномъ письмѣ косвенное подтвержденіе. Вотъ оно:

Милостивый Государь мой
графъ Захаръ Григорьевичъ!

Ея Импер. Величество повелѣть изволила лейбъ-кирасирскаго Ея Вел. полку вахмистра Александра Лушкова, который находится при собственномъ Ея Величества книгохранилищѣ, изъ того полку выключить, а какъ Лужковъ *въ 1771 г.* [1]) *по прошенію его для окончанія наукъ* отпущенъ въ домъ свой на годъ и пашпортъ ему данъ изъ государственной военной коллегіи, то упомянутое Высочайшее повелѣніе объявя Вашему Сіятельству, имѣю честь быть съ должнымъ почтеніемъ и истинной преданностью

Вашего Сіятельства.
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга.

А. О. (Адамъ Олсуфьевъ).

Итакъ, Александръ Ивановичъ съ 1771 г. былъ взятъ на должность унтеръ-библіотекаря при Собственной Ея Величества, или Комнатной, какъ онъ самъ называетъ въ своемъ прошеніи, библіотекѣ, но сейчасъ же по поступленіи на эту службу взялъ годовой отпускъ для окончанія своего образованія. Въ 1772 г. онъ вернулся къ исполненію своихъ обязанностей, оставаясь при прежнемъ званіи вахмистра лейбъ-кирасирскаго полка, что продолжалось до 1773 года. Тогда Императрица, окончательно убѣдившаяся въ его способностяхъ къ веденію порученнаго ему дѣла, рѣшила исключить его изъ списковъ военной части и перевесть на гражданскую службу, произведя его въ кабинетскіе регистраторы, какъ это видно изъ письма секретаря Императрицы Григорія Васильевича Козицкаго къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, писаннаго въ Царскомъ Селѣ 14 апрѣля 1773 года. «Ея Императорское Величество изволила Всемилостивѣйше указать, находящагося нынѣ при Собственномъ Ея книгохранилищѣ, бывшаго въ лейбъ-кирасирскомъ полку вахмистра Александра Лужкова, по выключеніи его изъ полку, произвесть въ регистраторы и оставить при томъ же мѣстѣ, а между тѣмъ, пока главный книгохранитель будетъ отъ меня поручаемыя ему отправлять дѣла...»

Повидимому, Лужковъ былъ рекомендованъ Императрицѣ не только не Козицкимъ, знавшимъ его по «Собранію, старающемуся о переводѣ иностранныхъ книгъ», но, можетъ быть, противъ его желанія, если не явнаго, то тайнаго. Во всякомъ случаѣ, у Григорія

[1]) Въ этомъ году курсы приняли указанную выше программу.

Васильевича имѣлся свой protégé, и, когда онъ выслушалъ повелѣніе Императрицы о производствѣ Лужкова въ регистраторы, рѣшился изложить передъ нею всеподданнѣйшую свою просьбу о томъ, что канцелярист Петръ Турковскій, «обрѣтающійся при немъ», Козицкомъ, по добропорядочности и прилежности своей службы заслуживаетъ такого же повышенія. Императрица велѣла произвесть и того и другого.

«Но какъ обрѣтавшійся при мнѣ канцелярист Петръ Турковскій, исправляя должность свою добропорядочно и прильжно, достоинъ таковаго же награжденія, то по всеподданнѣйшей моей прозьбѣ Ея Величество изволила указать и Турковскаго и Лужкова вмѣстѣ произвесть, и объявить Вамъ о семъ Высочайшемъ повелѣніи, чтобы Вы, имѣя власть таковое учинить произвожденіе, оное изволили обоимъ имъ, и Турковскому и Лужкову, сдѣлать. Сію Монаршую волю объявя, прошу покорно Вашего Превосходительства, канцеляристу Турковскому оказать сію въ пожалованіи его помянутымъ чиномъ милость, и со всегдашнимъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ есмь, Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства
покорнымъ слугою
Григорій Козицкой [1]).

Царское Село
1773 года
Апрѣля 14 дня.

Покровительство, оказываемое Козицкимъ канцеляристу Петру Турковскому, можетъ быть, вполнѣ заслуженное этимъ послѣднимъ, выступаетъ въ этомъ письмѣ весьма рельефно: и въ постановкѣ его имени впереди имени Лужкова и, въ особенности, въ концѣ письма, въ повтореніи просьбы своей не забыть «оказать сію въ пожалованіи его помянутымъ чиномъ милость». Вѣроятно, онъ давно выслужилъ просимое «произвожденіе». Черезъ недѣлю послѣдовалъ приказъ: «1773 года апрѣля 21 дня по Именному Ея Императорскаго Величества изустному указу въ Кабинетѣ опредѣлено находящимся: при Собственномъ Ея Величества книгохранилищѣ бывшему въ лейбъ-кирасирскомъ полку вахмистру Александру Лужкову, да при господинѣ коллежскомъ совѣтникѣ Козицкомъ канцеляристу Петру Турковскому быть коллежскими регистраторами, и жалованья производить имъ, противъ того, по чему прочимъ въ таковыхъ же чинахъ при Кабинетѣ находящимся производится, а именно, по три ста рублевъ на годъ. За произвожденіе въ сей чинъ вычетъ учинить, и въ вѣрности службы привесть къ присягѣ по указу».

[1]) Изъ того же письма къ А. В. Олсуфьеву.

Распоряженіе о приводѣ новыхъ коллежскихъ регистраторовъ къ присягѣ было сдѣлано только 12 декабря того же года за подписью надворнаго совѣтника И. Ж. и гласило:

«Записка: изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества церкви Захарія и Елисаветы Священнику Андрѣю Борзяковскому.

Пожалованныхъ въ Кабинетъ Ея И-го В-а регистраторовъ Петра Турковскаго и Александра Лужкова, по приложенному при семъ эксемпляру, привесть тамъ къ присягѣ, и, подписавъ оной эксемпляръ вамъ и имъ, возвратить въ Кабинетъ».

Въ тотъ же день оба они дали присягу, озаглавленную «клятвенное обѣщаніе» и подписанную обоими ими и священникомъ, приводившимъ къ этой присягѣ:

У сей присяги былъ и руку приложилъ Кабинета регистраторъ Петръ Турковскій.

У сей присяги былъ и руку приложилъ Кабинета регистраторъ Александръ Лушковъ (sic).

Къ присягѣ приводилъ Церкви Святыхъ Праведниковъ Захарія и Елисаветы, что при Главной Конюшнѣ, Священникъ Андрей Борзяковскій 1773 г. декабря 12 дня.

Повидимому, только одна Императрица правильно понимала истинное назначеніе библіотекаря, а ближайшія лица полагали, что съ этою должностью связано такъ мало реальнаго дѣла, что библіотекаря можно отвлекать отъ его прямого назначенія для исполненія различныхъ порученій по Кабинету. Мы знаемъ изъ «Дневника» Храповицкаго, изъ «Описанія столичнаго города Петербурга» академика Георги и, наконецъ, изъ упоминанія объ этомъ Козицкаго въ письмѣ къ Олсуфьеву отъ 14 апрѣля 1773 г., что и Петрову давались порученія, для исполненія которыхъ ему приходилось не только оставлять библіотеку, но и покидать самую столицу, и эти порученія давалъ ему, между прочимъ и Козицкій. Изъ содержанія слѣдующаго повелѣнія Императрицы, даннаго въ ноябрѣ 1776 г. слѣдуетъ, что и Лужкова стали отлучать отъ порученнаго ему дѣла:

«Ея Императорское Величество соизволила повелѣть регистратора Александра Лужкова оставить при Своей библіотекѣ, и не отлучать его никуда отъ сей должности, о чемъ Вашему Высокопревосходи-

тельству обьявя, имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ

Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Петръ Завадовскій.

Въ чемъ же выразилась дѣятельность Лужкова по завѣдыванію библіотекою и храненію геммъ и драгоцѣнностей?

Въ Эрмитажной библіотекѣ хранятся старые рукописные каталоги до 1804 г., какъ значится на папкахъ, въ которыя они заключены. Каталоги эти систематическіе, но имѣютъ оригинальный видъ: они представляютъ собою обыкновенные листы писчей бумаги съ наклеенными на нихъ полосками синей бумаги, на которыхъ написаны названія книгъ, имя автора и соотвѣтствующій нумеръ. Эти каталоги, повидимому, преобразованы изъ хронологическихъ каталоговъ, въ которые, какъ извѣстно, заносятся книги подрядъ, по мѣрѣ поступленія, независимо отъ ихъ содержанія. Я полагаю, что Лужковъ засталъ именно такіе каталоги, и даже самъ продолжалъ вести ихъ, но затѣмъ рѣшилъ составить новые, систематическіе, болѣе удобные для пользованія, и для этого порѣзалъ тетради, въ которыя были вписаны книги подъ нумерами, на полоски, классифицировалъ послѣднія по содержанію и, наклеивъ на листы бумаги, на которыхъ въ заголовкѣ стояло названіе отдѣла литературы, далъ имъ новыя нумераціи. Что онъ самъ еще велъ хронологическій каталогъ, видно изъ того обстоятельства, что нѣкоторыя полоски писаны его рукою. Предположеніе о преобразованіи однихъ каталоговъ въ другіе подтверждается и тѣмъ, что мнѣ до сихъ поръ не удалось найти ни одного хронологическаго каталога перваго времени существованія библіотеки, что представило бы для меня большой интересъ. Кромѣ того, №№, стоящіе при этихъ книгахъ, идутъ путанно, почему, рядомъ съ первоначальными, поставлены другіе, послѣдовательные №№. Такъ какъ внѣшность этихъ систематическихъ каталоговъ слишкомъ первобытна, наклейка полосокъ, сдѣланная при помощи ржаной муки, разбавленной водою, очень груба, то надо полагать, что эти экземпляры, составленіе которыхъ требовало знанія, были сдѣланы самимъ Лужковымъ, а затѣмъ были переписаны. При дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ библіотекою, вѣроятно, удастся найти ихъ чистовые экземпляры.

Считаю нелишнимъ упомянуть, что систематизація книгъ не ограничивалась классификаціей ихъ по содержанію, но при этомъ принимался во вниманіе и форматъ ихъ. Напр.:

Théologie
En folio
L'Ecriture S-te,

а затѣмъ идутъ №№ книгъ; потомъ слѣдуетъ подотдѣлъ *En quarto* и тоже №№; затѣмъ *En octavo* и остальные нумера.

Объ отношеніи Лужкова къ своимъ обязанностямъ въ роли хранителя геммъ и драгоцѣнностей можно судить по той аккуратности и чистотѣ, въ какой содержались каталоги отдѣленія драгоцѣнныхъ вещей, и по той полнотѣ и подробности, съ какою онъ описывалъ поступавшіе въ его распоряженіе предметы.

Въ Эрмитажѣ сохранился каталогъ, начатый въ 1789 году и, слѣдовательно, современный Лужкову. Онъ представляетъ рукописную книгу, писанную писарскою рукою, въ красномъ сафьянномъ тисненномъ переплетѣ, на корешкѣ котораго золотомъ напечатано на квадратномъ кускѣ красной же, но болѣе свѣтлой, кожи:

«Каталогъ
драгоцѣнныхъ
вещей.
Томъ I»,

а нѣсколько выше наклеена бумажка съ написанной на ней перомъ цифрой «5». Размѣръ книги въ сантиметрахъ: длина—$29^1/_2$, ширина—19, толщина—5; толщина переплета 3 мм. Въ ней 479 писанныхъ и 9 чистыхъ страницъ.

Насколько книга эта представляется во всѣхъ отношеніяхъ опрятною за время службы Лужкова, настолько веденіе ея становится небрежнымъ впослѣдствіи: записи сдѣланы поспѣшно и неаккуратно. Видно, что Лужковъ, придавая большое значеніе внѣшности книги, которою всегда могла заинтересоваться сама вѣнценосная хозяйка, не полагался на свои каллиграфическія способности, и, составивъ нужную редакцію, приказывалъ аккуратно вписывать ее въ книгу; его преемники на внѣшность книги не обращали вниманія.

Къ этому времени относится дѣятельное участіе, которое Лужковъ принималъ въ работахъ «Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ». Несмотря на множество иностранцевъ, занимавшихъ высокія должности въ Россіи и въ военной и гражданской іерархіи, несмотря на иностранное происхожденіе самой Императрицы, въ царствованіе Екатерины II и дворъ и высшее общество старались пропагандировать все національное. На Пасху 1770 г. Государыня была у заутрени «въ славянскомъ платьѣ на подобіе сарафана»—и

всѣ придворныя дамы, говоритъ Столпянскій, должны были замѣнить русскимъ національнымъ уборомъ прежніе роброны. Въ дни празднованія коронаціи Императрицы дамы появлялись въ русскихъ платьяхъ, какъ это можно видѣть по записи, сдѣланной въ камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ подъ 22 сентября 1779 года. (Изд. 1884 г., стр. 484). Не малую роль въ этомъ отношеніи сыграла дѣятельность Ломоносова, который, испытавъ на самомъ себѣ весь гнетъ нѣмецкаго плѣна, всегда, какъ извѣстно, ополчался противъ нѣмцевъ и стоялъ за русскія начала. Къ этому же пробужденію національнаго самосознанія должно было привесть и поощреніе, оказывавшееся Петромъ III всему нѣмецкому. Эта тенденція Императрицы не находится въ противорѣчіи съ ея же стремленіемъ просвѣтить русское общество путемъ ознакомленія его съ серьезными литературными произведеніями болѣе просвѣщенныхъ народовъ, давъ ихъ, въ цѣляхъ привлеченія къ чтенію болѣе обширнаго круга читателей, на русскомъ языкѣ. Съ этою цѣлью въ 1768 г. княгинею Дашковою, не безъ участія, конечно, Императрицы, а можетъ быть, и по ея иниціативѣ, было основано вышеупомянутое «Собраніе». Для него Лужковъ сдѣлалъ 3 перевода. Статьи: «О вѣрѣ» и «О политической экономіи, или Государственномъ Благоучрежденіи» переведены изъ «Енкиклопедіи» Дидро, а «Исторія о Америкѣ» Вилліама Робертсона переведена «съ англинскаго».

Въ этихъ трудахъ, насколько о нихъ можно судить при первомъ знакомствѣ, безъ тщательнаго сравненія съ оригиналами, съ которыхъ сдѣланы эти переводы, Александръ Ивановичъ обнаруживаетъ большой талантъ въ томъ отношеніи, что его книжки почти не носятъ на себѣ слѣдовъ переводныхъ, а производятъ впечатлѣніе оригиналовъ. Свою роль переводчика онъ старается выдержать и въ деталяхъ, въ переводѣ отдѣльныхъ словъ, стараясь избѣгать даже общеупотребительныхъ иностранныхъ:

вмѣсто слова «колонія» говоритъ «селеніе»,
«исторія», «историкъ» » «повѣствованіе», «повѣствователь»,
«республика» » «общенародное правленіе»,
«коммерція» » «купечествованіе»,
«монополія» » «единоторжіе».

Даже собственное имя извѣстнаго греческаго историка Діонисія Галикарнасскаго онъ предпочитаетъ передать въ формѣ часто употребляющагося русскаго имени «Денисъ» («Денисъ Аликарнасскій». «О вѣрѣ», стр. 40).

Онъ старается не только передать содержаніе переводимаго текста, но, по возможности, передать и тонъ, сохранивъ характеръ

письма и оттѣнокъ. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить небольшой отрывокъ изъ «Статьи о политической экономіи», стр. 82: «Сократимъ слѣдующимъ образомъ, въ нѣсколькихъ словахъ общественный договоръ сихъ двухъ состояній людей [1]). Вы имѣете нужду во мнѣ, ибо я богатъ, а вы бѣдны; и такъ сдѣлаемъ между нами договоръ: я вамъ дозволяю имѣть честь быть въ моихъ услугахъ съ тѣмъ, чтобы вы мнѣ все послѣднее ваше отдали за трудъ мой, который имѣть буду управляя вами». Въ этихъ строкахъ переводчикъ съ большою точностью воспроизводитъ французскій текстъ, сохранивъ не только отрывистый стиль изложенія, заключающуюся въ немъ иронію, но даже общее число словъ (55, если считать «членъ» съ существительнымъ за одно слово) [2]).

Стремленіе держаться оригинала заставляетъ его даже изобрѣтать слова, приноравливая къ своимъ нуждамъ готовые корни. На стр. 16 «О вѣрѣ» мы читаемъ: «Кто мы, говорятъ отважные *прители*, которые основываютъ свое почитаніе Божества на уничтоженіи поклоненія Его?» Слова «притель» не существуетъ, его не даетъ и академическій словарь; въ немъ встрѣчается «прительный, ая, ое— церковн., склонный къ пренію, спорливый: Вскую мя родила еси мужа прительнаго? Іерем., XV, 10». Это слово образовано имъ самимъ для перевода франц. «raisonneur». Что касается прочихъ особенностей языка, то могу назвать языкъ Луҗкова носящимъ слѣды переходной фазы, колеблющимся и неустановившимся. Одно и то же слово встрѣчается у него въ разныхъ формахъ, и въ болѣе древнихъ, и въ современныхъ намъ:

I. *Естли, ежели, если*: 1) Естли Богъ существуетъ, то онъ вышній Господь естества и самое совершенство («О вѣрѣ», стр. 20). 2) Ежели бы онъ меня любилъ, къ чему бы мнѣ нужно его всемогущество, величество и премудрость (стр. 7). 3) Въ самомъ дѣлѣ, если гласъ естества доброму лицу есть наилучшій наставникъ въ исполненіи его должностей; то напротивъ того оный правительству служитъ ложнымъ вожатымъ («О пол. эк.», 7).

II. *Инако, иначе*: 1) Сіе же самое совсѣмъ инако въ разсужденіи Бога («О вѣрѣ», стр. 9). 2) Сіе почитаніе должное Богу называется иначе поклоненіемъ или вѣрою (стр. 14).

---

[1]) Рѣчь идетъ о богатыхъ и бѣдныхъ.

[2]) Résumons en quatre mots le pacte social des deux états: vous avez besoin de moi, car je suis riche et nous êtes pauvre; faisons donc un accord entre nous: je permettrai que nous ayez l'honneur de me servir, à condition que vous me donnerez le peu, qui vous reste pour la peine que je prendrai de vous commander.

III. *Въ разсужденіи, въ отношеніи*: 1) Но слово *нужда* не должно ни когда употребляемо быть въ разсужденіи Бога (29). 2) Въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ («О пол. эк.», 12).

IV. *Устна, уста*: 1) И божество то должно было не отмѣнно гласить ихъ устнами. 2) Торговля, ремесленничество и земледѣліе представляютъ уста и желудокъ, приуготовляющіе общее питаніе («О пол. эк.», 10).

V. *Перьвый, первый, первенство*: 1) Правила же перьвой (народной экономіи) находятся только въ сочиненіяхъ философовъ осмѣлившихся возстановить права человѣчества («О пол. эк.», стр. 17). 2) Развѣ вы не можете усмотрѣть, что сіе не избѣгаемо изъ перваго проистекаетъ («О вѣрѣ», 26). 3) ...храбрый народъ, которому извѣстно было только одно право первенства, изъ добродѣтелей же одна храбрость. («О вѣрѣ», стр. 41).

VI. *Лутчій, лучшій*: 1) Для лутчаго же убѣжденія разсуждайте о немъ подъ сими разными отношеніями («О вѣрѣ», 10). 2) Мы не ложныя два правила имѣемъ для лучшей рѣшимости въ сихъ обстоятельствахъ.

Слово «любовь» встрѣчается въ формахъ «любови» и «любви», чаще въ послѣдней формѣ.

Проф. Малеинъ съ большимъ основаніемъ видитъ въ этихъ параллельныхъ формахъ примѣненіе проекта Ломоносова о «3-хъ штиляхъ».

Но встрѣчаются слова, которыя имѣютъ форму постоянную, но не ту, въ которой встрѣчаются они у насъ: эти слова еще не подверглись всеизмѣняющей силѣ языка. Луҗковъ, напримѣръ, говоритъ: сумнѣніе, безъ сумнѣнія, сумнительный, сумнѣваться. Всѣ нарѣчія и частицы пишутся отдѣльно: на конецъ, по среди, по томъ, не уже ли. Страннымъ являются формы творительнаго падежа «всемъ», «чемъ», рядомъ съ «тѣмъ». Я не имѣлъ въ виду дать исчерпывающую картину особенностей языка Луҗкова, почему на этомъ и остановлюсь.

Въ «Собраніи» Луҗковъ долженъ былъ занимать почетное мѣсто. Въ немъ числилось 114 лицъ, занимавшихся переводами, но среди нихъ было 40 лицъ, которыя принимали въ этомъ дѣлѣ особенно дѣятельное участіе, въ этомъ числѣ и Луҗковъ, и только четверо, которые могли переводить непосредственно съ англійскихъ оригиналовъ; Луҗковъ называется въ числѣ этихъ четырехъ. Остальные переводчики англійскихъ произведеній должны были прибѣгать къ существующимъ переводамъ этихъ произведеній на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, съ которыхъ уже и переводили на отечественный [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы у В. П. Семенникова, въ статьѣ—«Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ», помѣщенной въ «Библіофилѣ» за 1913 г.

7-го сентября 1789 года тогдашній директоръ Академіи Наукъ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, предложила въ академическомъ засѣданіи избрать Лужкова почетнымъ членомъ Академіи. Избраніе состоялось, и въ IV т. протоколовъ Академіи, подъ 1789 годомъ, стр. 196, п. 1, значится: «Le secrétaire proposa de la part de S. A. M-me la princesse de Daschkow pour être reçu au nombre des membres honoraires: M. Alexandre Luschkov, Assesseur de Collèges et sous bibliothécaire de S. M. l'Impératrice.

La Conférence crut devoir, en vertu du septième article du Reglement, regarder cette proposition comme une nomination, faite par le Chef, et d'y acquiescer en conséquence sans se servir du scrutin», изъ чего можно заключить, что гг. академики не рѣшались высказываться по существу относительно его заслугъ, дающихъ доступъ въ Академію, и нашли выходъ, сославшись на § 7. О содержаніи этого § упоминаетъ и академикъ Георги въ цитированномъ выше его произведеніи, но тутъ же прибавляетъ: «но какъ знаменитые люди обыкновенно большинство голосовъ имѣютъ, то предсѣдатель правомъ симъ только рѣдко пользуется» (стр. 337).

Такъ какъ гг. члены Академіи не даютъ намъ никакихъ указаній насчетъ ученыхъ заслугъ Александра Ивановича, а намъ извѣстно его дѣятельное участіе въ трудахъ «Собранія», то мы могли бы думать, что княгиня Дашкова, предлагая избрать его почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, руководилась заслугами его на поприщѣ отечественной литературы. Оказывается, что дѣло обстояло иначе, и элементъ таинственности былъ внесенъ въ это дѣло едва-ли не по доброй волѣ самой княгини Дашковой, которая, чувствуя за собою болѣе сильную руку, смѣло разыграла роль самовластнаго предсѣдателя ученаго собранія. Въ «Дневникѣ» Храповицкаго подъ 11[1]) сентября 1879 г. находимъ такую запись: «Примѣчено тщаніе Лужкова въ разборѣ антиковъ и медалей; его велѣно принять въ Академію Наукъ *comme membre honoraire*, и хотятъ прибавить жалованье». По поводу жалованья тотъ же авторъ на другой день, т. е. 12 сентября, пишетъ: «Лужкову къ 750 р. сама прибавить изволила 150 р., уравнивая противъ Петрова, 1200 р. получающаго». (Стр. 308).

А подъ 16 января 1790 г. у него же значится: «Лужкову прибавлено жалованья 300 р., чтобы съ началомъ года получалъ 1200 р.» (стр. 323). При производствѣ въ коллежскіе регистраторы, Александру

[1]) Избраніе Лужкова членомъ Академіи Наукъ состоялось, какъ мы видѣли выше, 7 сентября 1789 г., а замѣчаніе Императрицы о томъ, что онъ заслуживаетъ этого избранія, записано Храповицкимъ 11 сент. того же года. Надо думать, что Храповицкій сдѣлалъ свою запись на нѣсколько дней позже, чѣмъ слышалъ слова Императрицы.

Ивановичу было назначено жалованье, которое получали и другія лица, находившіяся въ томъ же чинѣ, т. е. по 300 р. въ годъ. Но 4-го августа 1781 г. послѣдовалъ указъ, подписанный Императрицею Екатериною и сохранившійся въ копіи. Въ этомъ указѣ, адресованномъ Олсуфьеву, Лужковъ называется регистраторомъ, произведеннымъ нынѣ «въ коллежскіе секретари» и повелѣвается «производить положенное по сему чину жалованье по четыреста по пятидесяти рублей изъ Кабинета». Такъ какъ въ указѣ, данномъ Императоромъ Павломъ I 18 октября 1798 г. читается, что чинъ коллежскаго ассессора Александръ Ивановичъ получилъ 30 августа 1785 г., то, вѣроятно, и жалованье его было повышено, сообразно съ его новымъ чиномъ, тогда же до 750 р., о которыхъ Храповицкій говоритъ черезъ 4 года.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что А. И. Лужковъ, по полученному имъ образованію, представлялъ по тогдашнему времени явленіе далеко не заурядное. Онъ зналъ языки: латинскій, на которомъ шло преподаваніе въ «вышнемъ» отдѣленіи академической гимназіи, французскій и англійскій, съ которыхъ онъ перевелъ серьезныя, по содержанію, произведенія, и несомнѣнно, нѣмецкій,—языкъ своихъ профессоровъ.

Но не одни познанія выдѣляли его изъ окружающей среды: онъ представляется человѣкомъ прямымъ, честнымъ и, въ сознаніи своей неподкупной честности, обладающимъ большимъ гражданскимъ мужествомъ, тоже не обычнымъ. У Пыляева, въ его «Старомъ Петербургѣ», разсказанъ фактъ, происшедшій между 1785 и 1796 годами, такъ какъ Лужковъ названъ коллежскимъ ассессоромъ. Однажды Императрица зашла въ Эрмитажное помѣщеніе и, отворяя у него разные шкафы, заперла ихъ и, по разсѣянности, положила ключи въ карманъ. Лужковъ на это обидѣлся и, явившись на другой день къ Императрицѣ, просилъ уволить его въ отставку. Когда Императрица, удивившись такому рѣшенію его, спросила, почему онъ хочетъ покинуть ее, онъ отвѣчалъ съ прямотою, такъ рѣдко теперь встрѣчающеюся: «Я, Государыня, честенъ, всегда пользовался Вашимъ довѣріемъ, а вчера замѣтилъ, что Вы въ первый разъ меня заподозрѣли, и взяли ключи отъ меня—послѣ этого я Вамъ уже не слуга». Императрица, которая сдѣлала это невольно, должна была извиниться, обѣщать впредь быть осторожною и такимъ образомъ убѣдила его не оставлять ее. Тамъ же авторъ продолжаетъ, что по кончинѣ Императрицы, передъ собственнымъ выходомъ въ отставку, онъ представилъ въ казну золота и серебра, не записаннаго въ книгахъ, болѣе, чѣмъ на 200 т. рублей. Послѣднее сообщеніе меня заинтересовало, и я рѣшилъ провѣрить его. Въ той же инвентарной книгѣ, которую я

выше описывалъ, между 27 ноября 1790 г., когда были внесены въ книгу предметы, доставленные камердинеромъ Захаромъ Зотовымъ, и 9 марта 1799 года, когда были занесены другія вещи, на трехъ страницахъ оказались вписанными собственною рукою Лужкова 50 различныхъ нумеровъ предметовъ. Въ заголовкѣ просто сказано: «Вновь вступившія вещи». (Стр. 392, 393 и 394), а въ концѣ подпись: «Надворный совѣтникъ Александръ Лужковъ». На слѣдующей (395) страницѣ вписано еще нѣсколько предметовъ. Подъ этою второю записью дата «Іюня 10 17..». Такъ какъ Лужковъ былъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника 31 декабря 1796 г., а вышелъ въ отставку 18 ноября 1797 г., то запись эта. естественно, сдѣлана въ промежутокъ времени между этими датами, ближе къ послѣдней. По приблизительной оцѣнкѣ, сдѣланной этимъ вещамъ, стоимость ихъ оказалась около 40 т. р., что на ассигнаціи по курсу этого времени (1 р.=2 р. 50 к. ассигнаціями) даетъ сумму въ 100 т. р. Такимъ образомъ, сообщеніе Пыляева не легенда, а документально подтверждается, если не придавать особеннаго значенія точной стоимости вещей, не представляющей особенной важности.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Кабинету 18 ноября 1797 г., онъ былъ уволенъ въ отставку, при чемъ въ указѣ «повелѣно тако: находящагося при Гермитажной библіотекѣ надворнаго совѣтника Лужкова по прошенію его Всемилостивѣйше увольняя отъ службы, повелѣваемъ изъ Кабинета Нашего производить ему пенсіономъ по смерть половину получаемаго имъ нынѣ жалованья, а по бытности его въ службѣ производить ему по Высочайшему указу 1790 г. генваря 16 дня, жалованья 1200 р. въ годъ, а нынѣ половина изъ онаго производится по 600 р.».

12 октября 1798 г. онъ обратился съ слѣдующею просьбою, написанною на гербовой бумагѣ:

Въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества

Отъ Надворнаго Совѣтника
Александра Лужкова

Прошеніе.

Въ продолженіи двадцати шести лѣтней моей службы при комнатной библіотекѣ блаженныя памяти Государыни состоялъ въ вѣдомствѣ Кабинета Его Императорскаго Величества: 1797 года ноября 18 дня послѣдовало Монаршее благоволеніе по прошенію моему уволить меня отъ службы, наградя пенсіономъ, получаемымъ изъ Кабинета; а какъ нынѣ мнѣ потребенъ видъ, по коему бы могъ

имѣть *свободное и доказательное* пребываніе, и поелику имянный указъ о моемъ увольненіи послѣдовалъ въ Императорскій Кабинетъ, то и прошу оный, да благоволитъ мнѣ дать видъ, что я есмь самый тотъ уволенный и получающій изъ онаго пенсіонъ, да сверьхъ того прошу приказать дать формальную копію съ того указа. Октября 12 дня 1798 года.

Къ сему прошенію Надворный Совѣтникъ
Александръ Лужковъ руку приложилъ.

Просимый видъ за подписью на подлинномъ тайнаго совѣтника и кавалера Донаурова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Гаврила Боргова, секретаря Дмитрія Попова и за печатью Кабинета Его Императорскаго Величества, былъ данъ ему. На этой копіи значится: «Оный атестатъ получилъ Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ сынъ Лужковъ. Ноября 5 дня 1798 г.»

Какъ затѣмъ протекала жизнь Александра Ивановича, къ чему прилагалъ онъ свои знанія языковъ и пониманіе антиковъ и медалей и, вообще, чему посвящалъ онъ свои досуги—неизвѣстно. Въ 1808 г., мая 9 дня, 54 лѣтъ отъ роду онъ скончался, и объ этомъ мы узнаемъ по краткой записи, занесенной въ протоколъ конференціи Академіи Наукъ.

§ 280. Le même Académicien (выше значится Sevastianoff) extraordinaire anonça á la Conférence le décès d'un des membres honoraires de l'Académie, M-r le Conseiller de la Cour Alexandre Louschkoff, ci-devant Bibliothécaire et Conservateur des antiques et pierres gravés de l'Ermitage. Le défunt fut reçu à la proposition de M-me la Princesse Daschkow le 7 Septembre 1789. Тотъ же фактъ занесенъ и въ Histoire de l'Académie Impériale des sciences, années 1807 et 1808.

II. Changemens arrivés.

1. Membres décédés.

a) Membres honoraires de l'Intérieur:

M-r Alexandre Louschkoff, Conseiller de Cour, ci-devant Bibliothécaire et Conservateur des Antiques et pierres gravées de l'Hermitage. Reçu à la proposition du Directeur M-me la Princesse Daschkow, le 7 Septembre 1789.

Такимъ образомъ, какъ вошелъ никѣмъ не замѣченный въ Академію, такъ и ушелъ изъ нея навѣки Александръ Ивановичъ: никѣмъ не было подтверждено его право занимать почетное кресло въ этомъ высшемъ научномъ учрежденіи, въ коемъ хозяевами были въ большинствѣ иностранцы; никѣмъ не было высказано и сожалѣнія, когда Александръ Ивановичъ, послѣ несомнѣнно большихъ усилій, прило-

женныхъ имъ къ усвоенію горькихъ корней ученія, и достиженія его плодовъ, сладость коихъ удостовѣрила сама Екатерина II, кончилъ свое земное существованіе.

Далеко не совершенна была академическая гимназія по постановкѣ въ ней учебно-воспитательнаго дѣла, какъ мы это выше и видѣли, но отдѣльные руководители ея вліяли на ввѣренную имъ молодежь своимъ личнымъ авторитетомъ, заставляя ихъ собственными силами преодолѣвать трудъ по усвоенію ими научныхъ истинъ и вырабатывая въ нихъ волю и чувство собственнаго достоинства. XVIII вѣкъ въ исторіи Россіи вообще выдѣляется рельефностью и колоритностью историческихъ лицъ. Хотя Александръ Ивановичъ не былъ, по занимаемому имъ положенію, крупною величиною, но своимъ гражданскимъ мужествомъ и сознаніемъ своего «я» напоминаетъ намъ великаго Ломоносова, а отъ обоихъ ихъ вѣетъ духомъ свободной древности. Самый выходъ его въ отставку вслѣдъ за кончиною Императрицы, которой онъ былъ преданъ и которая, несомнѣнно, не только цѣнила въ немъ его «пониманіе антиковъ и медалей», но понимала и его выходки, указывавшія на честную и прямую природу его, не позволявшую никому и помыслить дурно о немъ, обнаруживаетъ въ немъ личность самостоятельную и не идущую на компромиссы. Въ то же время это не былъ сухой эгоистъ; напротивъ, это былъ человѣкъ весьма благожелательный, готовый оказать ближнему возможную услугу. І. Г. Георги, собираясь дать описаніе коллекцій Эрмитажа, говоритъ, что онъ будетъ пользоваться для этого рукописною французскою росписью «бывъ вспомоществуемъ благорасположеніемъ г. коллежскаго ассессора и Императорскаго библіотекаря Александра Ивановича Лужкова». Въ самомъ предисловіи къ своему сочиненію (Описаніе Петербурга) тотъ же авторъ дважды упоминаетъ о Лужковѣ, какъ оказавшемъ ему содѣйствіе: стр. VII. «Къ извѣстію въ 3 главѣ о Императорскихъ книгохранилищахъ споспѣшествовалъ господинъ коллежскій ассессоръ и Императорскій библіотекарь Лужковъ»; на той же страницѣ, упомянувъ о Высочайшемъ разрѣшеніи «осмотрѣть сей кабинетъ и сообщить объ ономъ извѣстіе въ семъ переводѣ», приноситъ благодарность за это «Его Превосходительству Господину Тайному Совѣтнику, Сенатору, Государственной Коммерцъ-Коллегіи Президенту и Кавалеру Гаврилѣ Романовичу Державину.» «Въ семъ упражненіи», говоритъ онъ дальше, «наидѣятельнѣйшее принималъ участіе господинъ библіотекарь Лужковъ и господинъ Мартинелли, инспекторъ надъ галлереей». Въ то же время это былъ человѣкъ въ высшей степени скромный. Работая въ упомянутомъ выше «Собраніи», онъ не подписывалъ сдѣланныхъ имъ переводовъ, такъ что до послѣдняго времени о его литературныхъ трудахъ ничего не было из-

вѣстно. Только г. Семенникову удалось въ дѣлахъ «Собранія» найти подлинныя расписки, свидѣтельствующія полученіе имъ за свои переводы вознагражденія. Все это обличаетъ въ немъ личность цѣльную, свободную отъ накипи условностей жизни. Это въ особенности бросится въ глаза, если мы вспомнимъ, что въ годъ выхода его въ отставку ему было всего 43 года.

Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ его эпохи. Современная школа дѣлаетъ все, и зависящее и не зависящее отъ нея, чтобы нивеллировать наши индивидуальныя особенности, и дѣлаетъ это сознательно, такъ какъ, вѣдь, педагогическія истины, покоящіяся уже на прочномъ основаніи психологической науки, пропагандируются въ наше время широко, и не замѣчаются, слѣдовательно, только тѣми, кто сознательно не желаетъ замѣчать ихъ.

Н. В. Ястребовъ.

ПАМЯТИ

Владиміра Ивановича Ламанскаго,

какъ друга книги.

Въ лицѣ профессора и академика Владиміра Ивановича Ламанскаго, скончавшагося 19 ноября 1914 г., Русское Библіологическое Общество, вмѣстѣ со всей русской наукой и общественностью, понесло тяжкую утрату. В. И. Ламанскій былъ однимъ изъ первыхъ сначала дѣйствительныхъ, потомъ почетныхъ членовъ нашего Общества, хотя былъ не присяжнымъ библіологомъ и библіографомъ, теоретикомъ или практикомъ, а замѣчательнымъ русскимъ ученымъ, «патріархомъ русскаго славяновѣдѣнія»... Правда, въ годы своей юности В. И. близко подошелъ къ книжному дѣлу, какъ служебному дѣлу: послѣ окончанія университетскаго курса онъ былъ причисленъ къ Императорской Публичной Библіотекѣ, хотя и пробылъ здѣсь на службѣ всего около двухъ лѣтъ (1855—1857 г.г.). В. И. Ламанскій покинулъ библіотечную службу послѣ весьма характернаго столкновенія съ директоромъ Библіотеки, бар. М. А. Корфомъ. Нѣмецкій, спеціально остзейскій характеръ бар. Корфа, манера его обращенія съ людьми возмущали молодого В. И., всю свою жизнь боровшагося съ отрицательными чертами нѣмецкаго народа—и въ наукѣ, и въ международной политикѣ, и во внутренней жизни Россіи. Холодно-вѣжливый, отзывавшій брезгливостью тонъ, которымъ бар. Корфъ говорилъ со своими чиновниками, въ частности—обращеніе къ нимъ со словами: «Любезный N. N...» вызвали В. И. Ламанскаго въ одну изъ субботъ, когда бар. Корфъ обычно давалъ планъ занятій собиравшимся вмѣстѣ его подчиненнымъ, на слѣдующее замѣчаніе: «Баронъ Модестъ Андреевичъ, можетъ быть «mein lieber» и хорошо звучитъ по-нѣмецки, но по-русски «любезный» если и говорятъ, то только лакеямъ...» Немедленно оставивъ комнату со смущеннымъ бар. Корфомъ и растерянными товарищами по службѣ и возвратившись домой, В. И. Ламанскій послалъ бар. Корфу прошеніе объ отставкѣ, которую, конечно, быстро и получилъ [1]).

Послѣ такого конца казенной службы книжному, библіотечному дѣлу, В. И. вскорѣ продѣлалъ другой, болѣе удачный опытъ

[1]) Воспроизвожу эту исторію по разсказу мнѣ о ней самого В. И. Ламанскаго.

1

службы по учрежденію, которое имѣло ближайшее отношеніе къ «книгѣ» же, но въ древнѣйшемъ значеніи этого слова: въ 1858—62 г.г. онъ служилъ въ Государственномъ Архивѣ, использовавъ эту службу для напечатанія въ 1850—60 г.г. многихъ важныхъ хранившихся въ Архивѣ матеріаловъ по русской исторіи, особенно XVIII в. Служба эта кончилась, когда В. И. Ламанскій получилъ ученую командировку въ славянскія земли, ставшую началомъ его чисто ученой карьеры, служенія русской наукѣ—славяновѣдѣнію—и общественности.

По складу своего ума и характера В. И. Ламанскій былъ созданъ не для казенной, чиновничьей службы при «книгахъ»—рукописныхъ и печатныхъ, а для свободнаго изученія книжныхъ и рукописныхъ собраній, для составленія собственнаго книжнаго собранія по любимой имъ наукѣ славяновѣдѣнія, для созданія своихъ собственныхъ книгъ-научныхъ трудовъ, наконецъ, для вызова вообще книжной производительности въ Россіи.

За болѣе, чѣмъ полувѣковую свою научно-литературную жизнь В. И. Ламанскій былъ частымъ и желаннымъ гостемъ книжныхъ и рукописныхъ собраній какъ Россіи (Петроградъ, Москва), такъ и остальной Европы, славянской (библіотеки и архивы Софіи, Бѣлграда, Загреба, Праги) и германороманской (Вѣна, Венеція). И въ годы своей глубокой старости, когда уже трудно было выѣзжать изъ Петрограда, онъ любилъ заходить въ книжныя собранія тѣхъ учрежденій, съ духомъ, нравами и порядками которыхъ онъ велъ иногда многолѣтнюю литературную борьбу—въ библіотеку Академіи Наукъ, равно и въ Публичную библіотеку, дружа какъ съ А. А. Куникомъ, такъ и съ А. Ѳ. Бычковымъ.

Русскому библіофилу и библіологу нельзя не вспоминать благодарно о В. И. Ламанскомъ, и какъ объ обладателѣ превосходной библіотеки по славяновѣдѣнію, въ широкомъ смыслѣ этого слова, составившейся и путемъ покупокъ самого В. И., изъ его скромныхъ личныхъ средствъ, и путемъ обмѣна съ учеными людьми и учрежденіями. Библіотека эта, въ которой болѣе 10 тыс. книгъ, завѣщана В. И. Ламанскимъ Славянскому Семинарію Петроградскаго Университета и уже перешла къ нему.

Но В. И. Ламанскій былъ «другомъ книги» русской и какъ плодовитый русскій писатель, ученый славяновѣдъ и публицистъ. Число печатныхъ трудовъ В. И. Ламанскаго превышаетъ четыре сотни: они, при большомъ разнообразіи и цѣнности содержанія, различаются по размѣрамъ и внѣшнему виду, начиная отъ брошюръ и статей въ десятки страницъ, кончая книгами, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ почти 1000 страницъ. Размѣры напечатаннаго В. И. Ламанскимъ достигаютъ 10 тысячъ страницъ...

Работникъ-энтузіастъ свободной мысли и слова, мечтавшій о грядущемъ духовномъ величіи Россіи, славянъ и всѣхъ остальныхъ народовъ греко-славянскаго міра, В. И. Ламанскій всю свою жизнь призывалъ русское общество къ просвѣтительной работѣ, къ обогащенію литературы, къ творчеству книжному. Какъ общественникъ, онъ настаивалъ на организованной, *общественной* работѣ въ этомъ направленіи.

Еще въ 1857 г., въ своей великолѣпной статьѣ (одна изъ первыхъ) «О распространеніи знаній въ Россіи» («Современникъ», № 5, и отд.) В. И. призывалъ всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, безъ различія направленій—и славянофиловъ и западниковъ, къ устройству въ Москвѣ, по образцу славянскихъ Матицъ, «Общества распространенія знаній», съ отдѣлами: 1) физико-математическихъ наукъ и 2) наукъ нравственныхъ, при чемъ второй отдѣлъ раздѣлялся-бы на разряды: 1) философскій и 2) историческій, а этотъ послѣдній—на классы: 1) о мірѣ классическомъ, 2) о мірѣ западномъ, 3) о мірѣ восточно-европейскомъ и 4) о мірѣ восточно-азіатскомъ. Исходя изъ недостаточности журналовъ, какъ способа распространенія знаній, онъ настаивалъ на необходимости развить русскую книжную литературу, именно двѣ ея разновидности: общіе, научно-популярные обзоры-руководства (оригинальные и переводные) и переводы замѣчательныхъ научныхъ трудовъ Запада.

Этотъ общеобразовательный характеръ желательной книжной литературы находилъ себѣ нѣкоторое дополненіе примѣнительно къ познанію Россіи: здѣсь В. И. указывалъ на желательность изданія переводовъ иностранныхъ путешественниковъ, старыхъ русскихъ научныхъ работъ по русской исторіи, русскихъ авторовъ, славяно-русскихъ рукописей. Не забылъ при этомъ В. И. и литературы для народа...

Черезъ 2 года, въ статьѣ «Типографическая библіотека въ Москвѣ» («С.-Петерб. Вѣдом.», 1859, № 230, и отд.), В. И. является передъ нами, какъ борецъ именно за развитіе литературы для народа: онъ мечтаетъ о созданіи при «образцовомъ типографскомъ заведеніи» и «книгохранилищѣ» Москвы еще и «Общества распространенія знаній», которое издавало-бы для народа дешевыя книги, не только религіозно-нравственнаго, но и общеобразовательнаго характера (лѣтописи, отрывки изъ писателей, учебники по русской исторіи, землевѣдѣнію и естествознанію)...

Около половины 1860-хъ г.г., въ связи съ юбилеемъ Ломоносова, съ начатой В. И. Ламанскимъ борьбой противъ нѣмецкаго духа Академіи Наукъ, В. И. въ статьѣ «Столѣтняя память М. В. Ломоносову» «День», 1864, № 37, и 2 отд. изд. 1864, 1865 г.г.) и др. работахъ

хлопочетъ уже о созданіи русской самостоятельной, оригинальной научной литературы, главнымъ образомъ, въ области естествознанія и классической филологіи; этой цѣли долженъ служить проектируемый имъ всенародный Ломоносовскій капиталъ и Ломоносовское ученое общество. В. И. Ламанскій надѣялся, что черезъ 12—15 лѣтъ такой работы и Академія Наукъ окажется вполнѣ преобразованною.

Долгіе 1870—1880 годы В. И. Ламанскій былъ занятъ особенно напряженной научной работой и въ области литературы и преподаванія—не только въ Университетѣ, но и въ Духовной Академіи (съ 1872 г.); онъ ушелъ и въ общественно-политическую, а равно и въ публицистическую работу, связанную съ славянскими дѣлами и участіемъ въ нихъ Россіи. Но около 1890 года В. И. Ламанскій снова возвращается къ мечтамъ своей молодости о русскомъ общенародномъ просвѣщеніи, о размноженіи русской книги. Въ интересной, вводной къ журналу «Живая Старина» статьѣ: «Отъ редактора» (1890 г.), посвященной памяти И. П. Минаева, онъ скорбитъ о все еще слабомъ развитіи истиннаго образованія въ нашемъ обществѣ, гдѣ господствуетъ «журнализмъ», о почти полномъ отсутствіи литературы для народа, о пробѣлахъ и дезорганизаціи нашей научной работы, объ отчужденности Академіи Наукъ отъ дѣйствительныхъ просвѣтительныхъ нуждъ Россіи. В. И. выступаетъ съ проектомъ созданія, снова въ Москвѣ, союза ученыхъ обществъ, «вольной, безъ жалованья, безъ чиновъ и орденовъ, безъ казенныхъ квартиръ Академіи Наукъ», взываетъ къ русскому обществу о денежныхъ пожертвованіяхъ, изъ которыхъ «составились-бы большія средства для изданій и всякаго рода ученыхъ предпріятій». Новая, вольная Академія должна двинуть впередъ научное родиновѣдѣніе, т. е. познаніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, путемъ какъ инвентаризаціи и систематизаціи уже сдѣланной работы, такъ и усилій къ новому изученію.

Въ статьѣ намѣчаются такія научныя предпріятія-изданія книжнаго характера, какъ: словари энциклопедическій, географическій, біографическій, собранія путешествій къ св. мѣстамъ, памятниковъ древней и старинной нашей словесности, источники русской исторіи, этнографическая карта Россіи, русская діалектологія, собраніе русскихъ пѣсенъ и т. д...

Борецъ за идею о всемірно-историческомъ призваніи русскаго народа и языка, В. И. Ламанскій всегда настаивалъ и на томъ, что «необходимо давать жить и развиваться и мѣстнымъ языкамъ», настойчиво боролся противъ стѣсненій свободы печатнаго слова у всѣхъ народностей Россіи, а добившись, напримѣръ, отмѣны воспрещенія печатать литовскія книги латиницей, способствовалъ развитію книжности

у литовцевъ, библіологи которыхъ, нужно надѣяться, никогда не забудутъ В. И. Ламанскаго.

Много занимаясь вопросомъ о всеславянскомъ значеніи русскаго языка, образованности, литературы, науки, книги, постоянно возвращаясь къ этому вопросу въ своихъ сочиненіяхъ, В. И. Ламанскій имѣлъ право заявить о себѣ: «Мы никогда не предполагали—ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ—вырывать, подобно Пушкинскому пророку, ни у чеховъ, ни у другихъ нерусскихъ славянъ ихъ грѣшные языки и влагать въ ихъ замерзшія уста столь же грѣшный языкъ русскій». Онъ любилъ и уважалъ печатное слово, книгу на каждомъ славянскомъ языкѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы въ Россіи любили, уважали, а прежде всего, знали и изучали славянскую книгу, какъ носительницу и выразительницу славянскаго духа, культуры и самобытности. Онъ хотѣлъ и болѣе того, именно того, чтобы въ знаніи и изученіи славянской книги, какъ части науки славяновѣдѣнія, изученія славянства вообще, Россія и русскій народъ занимали и въ славянствѣ и въ мірѣ вообще первое мѣсто. Самъ работая научно во имя этого идеала, набрасывая въ своихъ трудахъ планы и темы для русскихъ научныхъ книгъ о славянствѣ, привлекая и воспитывая своихъ учениковъ-славяновѣдовъ, В. И. Ламанскій настаивалъ, между прочимъ, на необходимости инвентаризировать литературу о славянствѣ въ русскихъ библіотекахъ, устроить славянское отдѣленіе въ составѣ библіотеки Академіи Наукъ и т. п. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1867, № 10).

Конечно, далеко не все, однако же многое изъ того, что желалъ В. И. Ламанскій для славянской и русской (въ широкомъ смыслѣ словъ) книги и просвѣщенія, было осуществлено и имъ самимъ, и его учениками, послѣдователями и единомышленниками.

Библіологическому Обществу нельзя не помнить и старыхъ (1856 г.) словъ В. И.: «потому что у насъ ученыхъ обществъ вообще еще очень мало, необходимо еще образовать много другихъ, какъ напримѣръ,... общество библіографовъ и библіофиловъ».

И думается, что среди тѣхъ, кто въ Россіи имѣютъ обязанность и право помнить о В. И. Ламанскомъ, Русское Библіологическое Общество стоитъ не на послѣднемъ мѣстѣ...

65515

Содержаніе 1-го выпуска

II тома „Библіологическаго Сборника“

Стр.

1. Предисловіе.
2. **Е. В. Гогель.** Великій Князь Константинъ Константиновичъ, какъ Попечитель Библіотеки Императорскаго Женскаго Педагогическаго Института. . . . . 1—20
3. **С. А. Гамаловъ-Чураевъ.** Александръ Ивановичъ Лужковъ, библіотекарь и хранитель Эрмитажа при Императрицѣ Екатеринѣ II. . . . . 21—45
4. **Н. В. Ястребовъ.** Памяти В. И. Ламанскаго, какъ друга книги. . . . . 47—53

A-79-80

(7) мн 10144/82Д-

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00003033096